А. Черняев

Проект.

Советская политика 1972-1991 гг.- взгляд изнутри

1975 год.

1975 год.

9 февраля 75 г.

Подумать только: первая запись в Новом году. Это потому, что я почти не бываю дома. Так посмотреть – за два месяца масса событий и стремительный их ход и вместе с тем неизменное и угнетающее ощущение трепыхания на месте, в ожидании, что что-то вот-вот должно случиться (и в обществе, и в твоей жизни).

Вчера я работал с Блатовым (помощник Генсека) – над материалами к приезду 13 февраля Вильсона (британский премьер).

Теперь можно только пунктирно восстановить некоторые события.

Болезнь Брежнева. Слухи о необратимости и о приемниках, по «голосам» и в народе.

14-15 января с поляками и венграми (Суйка, Хорн) – объединение итогов Подготовительной комиссии к европейской конференции компартий и подготовка материалов для Рабочей группы. Вообще-то эту работу редкомиссии в Будапеште поручили ПОРП и ВСРП, но они попросили и нас. В результате получилась наша концепция: «том» в 150 страниц, «Введение» плюс набор цитат из Варшавы и Будапешта, систематизированных по нашей логике, по логике Дачи Горького, плюс резюме всего наговоренного в Варшаве и Будапеште по плану и даже с формулировками из нашего проекта Декларации.

Все это на языках разослано теперь немцами всем 28 партиям, чтоб 17-го в Берлине могла начаться Рабочая группа.

Вечер у Загладина на Старо-Конюшенном с Суйкой и Хорном. Споры.

17 января у Гарри Отта в ГДР'овском посольстве. Павлов, Поплавский, Гостев и др. из промышленных отделов. Тосты за международников. У тех, наверно, ощущение «белой кости» и выпендрель с нашей стороны. Было не очень ловко.

17 января – 70-летие Пономарева. Герой соцтруда. Наши поздравления. Подарок – «Собрание его сочинений» с 1931 года. Речь Загладина. Ответ Б.Н.'а. Впервые видел его растроганным, утирал глаза платком. Говорил о «народе», что мы тоже часть народа.

С 20 по 23 января – Берлин. Загладин, я, Шахназаров. С другой стороны – Аксен, Марковский, Малов и др. Поскольку они принимают Рабочую группу, надо было согласовать тактику. Также – о чилийских делах: КПЧ-СПЧ. Альтамирано. Пленум СПЧ в Берлине, который немцы, конечно, подслушали. Социалисты все больше хотят забрать под себя движение освобождения в Чили. Тейтельбойм – рохля. Подсчет ошибок, и кто виноват?

Социалисты ориентируются на точку зрения Фиделя Кастро, который почти публично заявил, что какая бы помощь ни была оказана Чили, поражение было неизбежно. Это корреспондирует с тем, о чем я докладывал во время своей поездки в Чили осенью 1972 года, со слов лидеров социалистов: «если мы не вооружим народ, а вы не дадите нам оружия, мы погибнем. Без гражданской войны революция дальше развиваться не может». Радригес за обедом в Роорадеро сказал: «Мы знали, что они неизбежно завалятся и поэтому заранее закупили побольше их великолепного вина». Это говорится в шутку, хотя и как не подлежащее обсуждению и сомнению.

Сейчас Альтамирано ведет дело, видимо, к вооруженному сопротивлению. И КПЧ ему только помеха, либо – подсобная сила. Но гегемонию он ее никогда не признает, поэтому он и «единство» понимает не «по-нашему».

Haus an der Schpree… Ужин в избе. Ужин в Потсдаме, т.е. поездка туда поздно вечером, за 150 км. вокруг Берлина. Невероятная затея по-немецки.

Приемный обед с Хоннекером… Производит впечатление компетентного и очень верного нам человека. Но знающего, что он лучше бы вел дела с западными немцами, чем мы сами, если бы ему дали в этом отношении, если не свободу, то хотя бы длинный поводок.

Уровень и характер приема (почти что, как членов ПБ КПСС) объяснялся тем, что накануне немцам был сделан «втык», согласованный вроде с Брежневым, но затеянный Громыко. Дело в том, что ГДР'овцы разработали план сотрудничества с ФРГ – «11 пунктов»,

в том числе постройка автобана на Гамбург, Бельтов-канала и проч. экономические вещи в основном за счет кредита ФРГ. Все это, естественно, заблаговременно было согласовано с нами. Туда даже ездил по этому делу зав. отделом МИД'а Бондаренко. Однако, то ли он не доложил во время (хотя, впрочем, я сам видел шифровку из Берлина, где Хоннекер докладывал Москве об этих всех намерениях), то ли была сознательная провокация со стороны Громыко, Русакова и примкнувшего к ним Блатова, чтоб, воспользовавшись случаем, «напомнить немцам, кто они есть, и если они хотят проводить общую с нами политику, то пусть проводят нашу политику», - так или иначе Громыко затеял втык. И немцам уже до нашего приезда было дано это понять.

Поэтому, принимая нашу делегацию (которая никакого отношения к этой истории не имела), они всячески хотели показать, что тут происходит какое-то недоразумение. Надо сказать, мы держались (в том числе Шахназаров, который, как и его шеф Катушев были против всей этой затеи) – так же: всячески подчеркивали, что ничего не происходит и «дружба наша крепка, как никогда». Шифровку по нашим делам мы тоже составили с подтекстом, из которого следовало, что подозревать немцев в нелояльности глупо и смешно, вредно. Кстати, Громыко продержал ее три дня и, казалось, вообще не выпустит по большой разметке. Однако выпустил, но не раньше, чем было подписано решение – немедленно пригласить Аксена, Марковского и нового МИД Фишера в Москву и произвести задуманную операцию внушения.

И в самом деле – они появились в Москве через день после нашего возвращения из Берлина. У меня было отвратительное чувство: не заподозрили ли они нас в том, что мы подлили масла в огонь громыкинской провокации.

Шахназаров потом рассказывал, что встреча (с нашей стороны Громыко, Катушев, Блатов, Русаков) прошла «жестко». Их трепали и фактически отменили все их «11 пунктов», несмотря на разумные объяснения Аксена и на его ссылки на то, что «все ведь было с вами заранее согласовано».

По докладу нашего посла, отчет Аксена на ПБ СЕПГ прошел «формально»: «общая точка зрения и полное согласие с советскими товарищами». Ни об атмосфере московских переговоров, ни об их результатах он ничего не сказал. Оказывается, Хоннекер приказал всей делегации, ездившей в Москву, молчать под угрозой потерять партбилет.

29 января мой триумфальный доклад на теоретической конференции аппарата ЦК, в большом зале. «НТР и противоречия капитализма».

31 января - 6 февраля – налет на Кубу.

10 февраля 75 г.

Дополнение к памятке Брежневу для Вильсона – о Португалии (чтоб не подталкивали социалистов к расколу с коммунистами. Исторические образцы последствий этого).

Замечания к проекту речи Брежнева на обеде с Вильсоном. Шифровки, шифровки, бумаги. Ответ Кадару – в связи с тем, что ЦК ВСРП разослал парторганизациям закрытое письмо по поводу повышения нами цен на нефть. Довольно злое, по нашей оценке – вполне «националистическое письмо»: теперь на случай любых завалов в экономике виноват все равно будет Советский Союз, который даже не посчитался, что у «нас на носу съезд и что новый пятилетний план был уже сверстан».

Совещание у Б.Н., плюс Катушев, Загладин, Шахназаров, Брутенц – о предстоящем в Праге в марте совещании секретарей по международным вопросам (координация внешнеполитической пропаганды). Я определен на это мероприятие, особенно на доклад Б.Н. там, в Праге. Это теперь, конечно (!), самое главное.

Совещание у меня с ребятами, которым предстоит сочинять доклад Пономареву.

Краткий утренний отчет Б.Н.'у о Кубе: мало, что его интересовало. И он все время меня перебивал вызовами своего секретаря по пустякам.

Прочитал донос Кроликовского (зам. МИД ГДР) на Хоннекера, членов Политбюро СЕПГ, других деятелей. Вот сволочь! Я бы такие бумаги возвращал в ГБ соответствующей

страны, тем более, что всё - на «личных впечатлениях», а не на фактах. Да и откуда могут быть эти впечатления о Политбюро и отношениях внутри него у чиновника МИД'а, как не из рассказов брата В. Кроликовского, которого недавно выставили из Политбюро.

Куба. Шахназаров – Дарусенков. Полет в ночь. Сарай- транзитный аэропорт в Касабланке. Марокканцы. 10 часов над ночным океаном. Встреча в аэропорту. «Резиденция» – оазис на окраине Гаваны, где год назад помещался Брежнев. Переезд в Voradero – курортная зона в 150 км. от столицы. Современные дороги. Пальмы с «железобетонными столбами». Бунгало. Комары, пляж, канадцы-туристы.

Гавана – город без витрин магазинов. Испанская и американская часть города. Фидель: «Гавана в последнюю очередь. Мы строим не фасад, а новое здание».

2 февраля: Рауль Кастро, Карлос Рафаэлес Родригес, Рауль Вальдес. Беседа в ЦК. Наша главная задача – согласовать европейскую конференцию компартий с латиноамериканской конференцией КП, которая состоится в Гаване в мае.

2 марта 75 г.

Опять разрыв, потому что в основном работаю в Серебряном Бору. Дома почти не бываю. Доклад для Б.Н. в Праге – совещание секретарей ЦК по внешнеполитической пропаганде и идеологии соцстран. Очередное после московского в декабре 1973 года, перед которым мы тоже сидели в Серебряном Бору. Плюс всякие «совместные» документы (проекты), которые будут приняты для ради координации. Их должны представлять чехи, но готовим, как и все прочее, мы.

Загладинскую диктовку мы использовали, но убрали пережимы по части разоблачения наших капиталистических партнеров по разрядке. Он недавно вернулся из Берлина с Рабочей группы по подготовке конференции компартий под впечатлением (а его политическая философия часто определяется последней конфиденциальной беседой с каким-нибудь западным деятелем). На этот раз «впечатление» было от того, что французы, итальянцы, испанцы и др. говорили на Рабочей группе. Разрядка для них (для КП на Западе), - не только плюс, но и минус. Она укрепляет авторитет правительств, с которыми мы боремся как с классовой враждебной силой. И нам нужна-де «компенсация». Таковой Загладин считает, может быть, ужесточение капиталистических порядков во Франции, ФРГ…

Вообще-то это по душе Б.Н.'у. Он любит разоблачать капитализм. А сейчас – кризис и всякие противоречия в особенности. Но «оглядывается», потому что знает, что на Западе к нему уже прицелились и нет-нет подают его в роли «ястреба» по отношению к линии Брежнева.

На последнее Политбюро неожиданно пришел Брежнев. Не ждали. И между прочим, стал говорить: Вот, мол, в Праге, оказывается, будет совещание по внешнеполитической пропаганде. А мы ничего не знаем. А дело серьезное.

Б.Н. засуетился. Стал оправдываться. Мол, решение Секретариата есть и проч. Но сам усек (он мне это предположение третьего дня изложил): кто-то шепнул Леониду Ильичу – мол, не повредит ли идеологический треп о внешней политике самой нашей внешней политике? Подозревает Александрова. Возможно… Как бы то ни было, он срочно стал вычеркивать из своего доклада многие свои любимые игрушки с критикой буржуазных правительств и порядков. Даже выпад по Понятовскому убрал…

Так что загладинская «компенсация» совсем уж оказалась не ко двору.

Переговоры с Вильсоном не могли не завершиться «большим успехом». Впрочем, я удивился тому, что принятые документы практически советские по вокабулярию, формулировкам и т.д. Ну да, англичане практичные люди. Что им слова! Дали нам кредит на 2 млрд. долларов. Утерли нос американцам (300 млн. – по закону Джексона). Б.Н. и Блатов намекали мне, что «наш» не использовал 80 % того, что ему заложили мы в памятку. Жестами…, что, мол, «не тот уже». А Вильсон и проч. в восторге от активности, динамизма. Получается, похоже, та же аберрация, какая складывалась в 1963-64 годах: иностранцы

восхищаются, а советские недоумевают и руками разводят. По телевизору – на приеме в честь Вильсона – Брежнев выглядел очень «неорганизованно», было такое впечатление, что он сам не понимает, что говорит, и сил хватает, чтоб только произнести кое-как написанный крупными буквами текст.

Сейчас его готовят на съезд ВСРП. Дело деликатное (в связи с повышением нами цен на нефть и письмом ЦК ВСРП активу, где открытым текстом нас «критиковали»). Не превращается ли он в символ-форму, которую по инерции наполняют соответствующим его прежнему настрою содержанием?

Встреча с Арисменди перед его поездкой на Кубу.

Беседа с канадцами – членами Исполкома ЦК, которые ездили по Советскому Союзу две недели. Когда вот так общаешься – опять и опять чувствуешь себя значительным лицом, но как только возвращаешься к обычным и главным делам – сочинению текстов для Пономарева – сразу «на место!» – мелкий чиновник, который может проталкивать свое мнение лишь с помощью хитроумных словесных вариаций: авось Б.Н. не усечет.

9 марта 75 г.

С 3 по 6 марта был в Праге. Совещание секретарей соцстран по внешнеполитической пропаганде, в особенности в связи с 30-летием Победы. Поместили в президентском дворце на Градчанах, вся Прага как на ладони. Выступление Б.Н., конечно, первое – то, что мы готовили в Серебряном Бору. Затем обмен монологами. В каждом: а) дифирамбы эпохальной роли Брежнева в современном мире, б) взахлеб по поводу речи Б.Н.'а, которая-де отражает мудрость, реализм и теоретическую глубину, присущую КПСС (особенно болгары – Милов, чехи – Биляк, немцы – Хагер, но не венгры, конечно, не румыны, а поляк Шидляк «высоко оценил» и присоединился, но сдержанно).

Нервы с коллективными документами, с отчетной телеграммой. Казус с румынами: в принятии документов они отказались участвовать (и вообще были на уровне зам. завов), а по коммюнике заявили, что если не будут сняты слова о борьбе против «левого» и правого оппортунизма, они просят снять упоминание об их участии в совещании вообще, лишь в конце сказать: румынский представитель проинформировал совещание об идеологической работе своей партии.

Произошла перепалка – монгол, немец врезали румыну за нежелание бороться против оппортунизма. Биляк очень глупо вел заседание. Интервенция Катушева, который предложил согласиться с вариантом румын. (Хитрый Б.Н. сам не стал этого говорить, а выпустил «примирителя» Катушева). На этом согласились. Но вечером румыны прибежали и попросили вернуть как было: получили по шее из Бухареста. Позорище. Б.Н. по этому поводу ехидно заметил Катушеву: Вот, как важно проявлять твердость в принципиальных вопросах!

С повышением нами цен на нефть они обошлись так: цены на бензин подняли, но отменили прямой налог на владельцев автомашин, в результате все чехи довольны, они даже выгадали. Но, если государство может позволить себе такое, значит у него есть из чего! Помню, года два-три назад шла тревожная информация (в том числе от посольства): чехи, мол, проедают национальный доход, пустив все в ширпотреб, чтоб «умаслить» и предотвратить рост политической оппозиции. А оказалось, что эта политика (в общем-то политика нашего XXIV съезда) дала прямой эффект -–накормленный и довольный чех лучше работает и никакого проедания национального дохода не случилось!

Публика на улице более модная и хорошо одетая, чем, например, в Берлине и Будапеште (в Варшаве бросается в глаза контраст между сверхмодным и почти нищенским). Очень много всего строят и украшают. Прага красива.

7-го, в пятницу, такая история: Блатов звонит Б.Н.'у и говорит, что Генеральный недоволен пражским коммюнике – празднование 30-летия Победы не подчинено идее борьбы за современный мир. Б.Н. ответил, что, во-первых, это следует из контекста, если честно читать, во-вторых, это видно из его доклада, из телеграммы, т.е. под этим знаком прошло все

совещание, а в-третьих, где вы были целые сутки, когда вам на рассмотрение был послан проект коммюнике с эмбарго впредь до специального разрешения? Как бы то ни было, однако, Б.Н. был крайне огорчен: ложка дегтя, тем более неприятная, что только ее-то и показали Генеральному, а меда он не в состоянии сам видеть.

Подстроили, конечно, помощнички. Скорее всего Воробей (Александров-Агентов). Брутенц по этому поводу сказал: им о душе пора подумать (в смысле - о вакансии на место консультанта в Отделе), а не подставляют ножку секретарям ЦК.

Впрочем, прочитал я записи переговоров Брежнева с Вильсоном. И из них увидел, что в отличие от публичности на завтраке, Генеральный был вполне в форме и как полемист не раз прижимал ушлого Вильсона. Действовал совсем не по бумажке, хотя и с учетом заложенных туда идей и информации. И вообще выглядел значительно крупней, в государственном смысле, масштабнее англичан… Я понял восторги Вильсона по поводу личных контактов, которые он выражал по возвращении в Англию. Понял я и другое (в том числе и из замечания по нашему коммюнике): основная жизненная идея Брежнева – идея мира. С этим он хочет остаться в памяти человечества. В практической политике реальным делам в этой области он отдает предпочтение перед любой идеологией. Именно поэтому он перед нашим отъездом в Прагу на Политбюро выразил смутное беспокойство по поводу того, что лишний идеологический треп по внешней политике может повредить ей самой.

Прочитал я записанную разведчиком (или переданную) запись телефонного разговора в Нью-Йорке одного нашего уехавшего еврея с другим. Это вопль отчаяния об эмигрантской жизни в Америке наших бывших ученых. Некоторые готовы на четвереньках ползти обратно, если пустят. Ура Андропову, который добился, чтобы евреев стали выпускать тысячами, практически всех, кто хочет. Но в чем его замысел? Каков дальний прицел?

Кстати, недавно мне Шахназаров сказал «по секрету», что ему достоверно известно из интимных источников, что изначальная мечта и ставка «председателя» – стать Генеральным после Брежнева. Может быть, это и не плохо. Посмотрим.

Б.Н. поручено выступать на той неделе с инструктивным докладом перед идеологами со всего Советского Союза по вопросам 30-летия Победы. Опять вкалываем, едва сойдя с самолета. Он уже фактически выполняет роль идеологического секретаря ЦК Так он и воспринял (в разговоре со мной) это новое поручение.

Был в Третьяковке. Там портреты XVIII века из провинциальных захолустий: Новгород, Орел, Ярославль, Самара. Производит. В основном портреты неизвестных авторов, но есть и Панин, Орлов и т.п. И два зала из коллекции, подаренной Третьяковке Сидоровым, особенно советский зал: Ларионов, Машков, Шагал, Кандинский, Малевич, Петров-Водкин и др. Боже, какая прелесть, и как глядится из этих рисунков и картин эпоха – 20-ые годы.

В «Монде» напечатаны большие выдержки из мемуаров Смрковского[1] – перепечатано, кстати, из итальянского коммунистического журнала. Рассказывает о своих встречах с Брежневым в мае 1968 года, когда Смрковский возглавлял здесь парламентскую делегацию; о самих днях 20-21 августа, о том, как их взяли и привезли на дачу под Москвой, о переговорах в Кремле, о протоколе, об отъезде назад, о Кригеле, который отказался подписать протокол. Между прочим, там приведены слова, которые он сказал Брежневу, Косыгину, подгорному в ЦК КПСС, когда его и других привезли с дачи для начала переговоров (в первых числах сентября):

«Вы, товарищи, разрушили вековую дружбу, которая существовала между нашими народами. Более 100 лет наш народ культивировал в себе славянофильскую любовь к России, 50 лет – любовь и верность Советскому Союзу. Вы были в глазах нашего народа самыми верными друзьями. И вот за одну ночь вы все это разрушили!»

Принимая во внимание, что «акция» предпринята в историческую эпоху, когда нация, как главная форма жизни народа, еще далеко не изжила себя, а в определенной мере даже оживилась, как фактор жизнеспособности и самосознания. Принимая также во внимание, что

[1] Один из лидеров «Пражской весны».

(по опыту истории) национальное унижение очень долго (если вообще когда-нибудь) не забывается, может быть, и впрямь мы заплатили слишком большую цену, чтобы предотвратить то, что, скорее всего, не случилось бы и так.

В конце концов ведь не в сытости народа смысл, сытость чехи и так бы очень быстро бы организовали, даже если бы им пришлось пережить маленькую гражданскую войну, в которой антисоветизм все равно бы не смог победить без вмешательства извне, а вот если бы такое вмешательство началось, вот тогда бы нам самое время и предпринять бы «акцию».

Еще неделя прошла. Еще один доклад сделали Б.Н.'у. Читал его вчера он на совещании идеологических работников (как проводить 30-летие Победы). И передовую в «Правде» фактически тоже пришлось делать мне.

Устал я от всего этого. Даже в «функциональном» отношении это черт знает что: ведь я неделями, а то и месяцами не читаю систематически ТАСС'а, а о журналах и книгах и думать нечего. Шифровки и прочую закрытую информацию пробегаю. Подумать ни над чем некогда.

<u>22 марта 75 г.</u>

В прошлую субботу – у Б.Н.'а на даче. День рожденья в узком кругу. Тосты – Загладин, Шапошников, я, Балмашнов. И еще брат Б.Н.'а генерал и пара из его соратников по комсомолу 20-ых годов. Жена- красавица с фрески Рублева. И вообще она молодец: прекрасно, умно держится. Да и он еще хоть куда. Был прост, откровенен: на тему о том, что тех среди его друзей и товарищей, которые «загремели» в 1937 году и чудом остались живы, не заставишь вновь восхвалять… и он показал пальцами, изображая сталинские усы.

Играли в бильярд, Вадим за роялем – песни. В промежутках разговоры, которые, как правило, мы позволяем себе только «между собой».

Он, пожалуй, редкостный человек на активном политическом фоне: соединяет наше «чистое» прошлое с циничным настоящим. И в общем-то в нем жива идейность. Она – значительная сила, во многом объясняющая его неиссякаемую энергию и, казалось бы, совсем ненужную (для ради карьеры) инициативность.

Доработка проекта декларации (для европейской коммунистической конференции) перед Рабочей группой (в Берлине 8 апреля). Загладин с Жилиным съездили в Париж, на «тройку»: ФКП, КПСС, СЕПГ. «Отработали» текст после первой Рабочей группы. Получили, как выяснилось вчера, похвалы от Плиссонье (член ПБ ФКП)) за «единый (с французскими коммунистами) революционный подход к проблеме Европы». Когда я здесь посмотрел эту продукцию, я понял, что такие уступки превращают конференцию в опасный треп, направленный по существу против нашей политики разрядки («заставить империализм еще отступить», только тогда разрядка будет обеспечена, «нанести ему поражение», «победить его», «превратить всю Европу в социалистическую» и т.п.) В соответствии с этим внешнеполитическая программа единых действий была объединена с социальной программой, с борьбой за социализм, за коммунизм. И это еще больше лишало такую программу всякого реализма: за социализм и за коммунизм с нами вместе никто не пойдет бороться, и даже многие КП будут возражать против общей программы борьбы за социализм. Фразы о широкой коалиции и сотрудничестве с некоммунистическими силами превратились в насмешку.

Я сказал обо всем этом Загладину. Он частично согласился, но ему было некогда - готовил делегацию на съезд ИКП, - попросил кое-что поправить, а «потом видно будет, вся работа впереди»…

Б.Н. заинтересовался проектом и сказал, чтоб без его ведома не давали немцам согласия на рассылку всем (28) партиям. Я поделился с ним опасениями. Он насторожился. В эти же дни я узнал, что Катушев, прочитав проект, встревожился еще больше.

Договорились пригласить двух немцев и вместе с ними кое-что поправить. В какой-то степени это, конечно, было дезавуированием Загладина и Жилина (в Париже), однако что

делать… Поправили. Немцы уехали, а на другой день вечером пролетом из Кореи в Москве оказался Канапа.

Рубились с Канапой до 2-х ночи. Жан очень быстро сообразил, что «причиной всему я». Начал шантажировать, но мне очень легко его было придавливать, потому что его аргументы либо противоречили один другому, либо были простой демагогией, к которой я относился спокойно, а когда получалось, с насмешкой.

Вы, говорил, например, Канапа имеете социализм и хотите мира, мы тоже хотим мира, но хотим и социализма. Почему же вы мешаете нам за него бороться? И т.п. Программа, мол, должна быть коммунистической, а не социал-демократической.

Да, я говорю, программа должна исходить от коммунистов (в этом смысле она коммунистическая), но она должна быть обращена и к коммунистам, и к некоммунистам. Иначе конференция превращается в сектантскую затею.

Чем объяснить такую революционность? Помню, при подготовке Совещания 1969 года Канапа насмешничал, упрекая нас в революционности и наступательности на империализм. «Теперь же, говорит он, мы, исходя из новой ситуации в мире, повысили ставки, другие же, например, ИКП, наоборот, понизили». Это видно. Но что это даст, что вообще может дать подмена политики демагогией, когда Жискар д'Эстена сравнивают чуть ли не с Гитлером и изображают французскую политику в роли мальчика на побегушках у американцев?!

Мы согласились на 3-4 поправки. Сегодня я сообщил их по телефону в ЦК СЕПГ. Успел: они уже имели распоряжение Хоннекера рассылать, ничего больше не ожидая. Кстати, немец Винкельман, первый зам. зав. международного Отдела, говорил со мной очень жестко и одну поправку отверг категорически. Надоело им вертеться по нашей указке, да и вызывает раздражение, видно, что мы вынуждаем их поступаться немецкой аккуратностью и порядком.

29 марта 75 г.

Взорвалось противоречие между нашей государственной внешней политикой и нашей «коммунистической» политикой. В самом важном звене. Марше и К° взвились по поводу приема, который был устроен премьеру Шираку в Москве: помпа, пресса, первые страницы газет, телевидение, три часа с Брежневым и т.д. Предлогом стало нахальство Ширака: он заявил здесь корреспондентам, что, мол, знает, что у Брежнева с Марше какие-то отношения и, поскольку он с Брежневым увидится, он ему скажет, что ФКП ведет непоследовательную политику в отношении вооруженных сил Франции. Ведь СССР выступает за сильную Францию, а ФКП подрывает боеспособность французской армии и т.п.

Через несколько часов Марше уже звонил в Москву и требовал, чтобы Шираку публично (а в беседе сам Брежнев) врезали за это. Естественно, день-другой, при нашей-то машине рассмотрения вопросов ничего не было (и не могло быть) сделано.

Ширак под величайший шум прессы (Франции нужно подчеркивать, что она имеет с нами привилегированные отношения) возвращается в Париж и тут же в аэропорту, между прочим, говорит, что Брежнев ему сказал: «Жискару мы доверяем. Это – человек, которому можно доверять, он держит слово!»

Жора тут же собирает ПБ и публикует решение: визит Ширака в СССР ничтожен, он ничего не дал, это сплошное надувательство, как и вся жискаровская политика, и нужно это было только для того, чтобы подкрепить антинародную политику правительства и усилить антикоммунистическую кампанию.

На этом же ПБ было составлено письмо «В Секретариат ЦК КПСС». Нечто подобное (от братской партии) можно было в свое время прочитать только на китайском языке.

Примерный смысл: все, что происходило в связи и вокруг визита Ширака, наносит огромный вред интересам трудящихся Франции и политике ФКП. Вы, КПСС, просили наших советов и рекомендаций перед визитом. Мы их вам дали. Но, судя по всему, вы их игнорировали. Более того: мы в своей политике делаем все, чтобы показать французам, что

Жискару доверять нельзя, что вся его политика – обман. А вы заявляете на весь мир, что он заслуживает доверия. Вы подрываете наши усилия в сложной борьбе, которую мы ведем за интересы трудящихся Франции. Мы вам заявляем, что вы нарушили принципы пролетарского интернационализма. С братским приветом. Жорж Марше, Генеральный секретарь ЦК ФКП.

Началась суета. Брежнев велел готовить ответ. (Кстати, еще до того как они собрали ПБ, после звонка Марше в Москву наш посольский человек в Париже ходил к ним и просил не торопиться, мол, вы вот-вот получите из Москвы подробную информацию о разговорах с Шираком… Но «не возымело!») Громыко подготовил совсем дурацкий ответ. Наш сектор – получше. Сошлись два текста у Блатова (который очень боится Громыки). Появился из Рима Загладин. Его туда, к Блатову. Словом, еще вчера ответ не был готов. Но в «Правду» дали (от имени Седых – корреспондент в Париже) статью, одно название которой говорит само за себя: «Позитивные итоги». Там, между прочим, упомянуто, что «некоторые органы печати» (!) попытались, как всегда, использовать визит в антикоммунистических целях. Это, конечно, для Жоры недостаточная сатисфакция.

В свете этого то, что произошло между мной и Канапа приобретает принципиальное значение, и европейская конференция компартий, главная идея которой сочетать официальную внешнюю политику с классовой борьбой, - боюсь, повисает над пропастью.

С Брутенцем (на основе консультантской заготовки) сделали проект обращения ЦК, Президиума, правительства к народам, парламентам, правительствам в связи с 30-летием Победы. Отвергнув предварительно совершенно идиотский текст МИД'а (оценку его я дал зам. министра МИД'а Родионову, - еще будет скандальчик). Вообще затея не очень… Но что поделать, решение ЦК. Кстати, наши союзники по антигитлеровской коалиции сообщили в ответ на наш конфиденциальный зондаж, что они «праздновать» не собираются.

А вообще я эту неделю, как уехал в отпуск Б.Н., блаженствую: прочитал все почти, что было отложено, прочитал много другого интересного. В том числе стенограмму переговоров Кириленко-Пономарев с финской делегацией. Почти все Политбюро здесь было. И еще раз убедился, что «наши ребята» из финского сектора во главе с Шапошниковым уже нанесли (может быть, непоправимый) вред финской компартии, поставили ее на путь раскола, который, видимо, и произойдет. Начал эту линию 10 лет назад Беляков[2] и она упорно продолжается, причем играют на идеологических мифах Б.Н.'а, Суслова, других. И открыто эксплуатируют возможность грубо «жать» на КПФ, чего нельзя было бы себе позволить в отношении многих других КП. Выдумывают какие-то явно искусственные и вздорные идеологические уклоны у «большинства» и натравливают на него карьеристов (Синисало) и обиженных стариков. А если подумать: даже эти надуманные уклоны выглядят жалким лепетом по сравнению с тем, что пишут в своих газетах и утверждают на съезде, например, итальянцы. В сравнении с «финскими уклонами» итальянщина уже не ревизионизм, а самая настоящая махрово-буржуазная идеология. Однако устами Кириленко с трибуны съезда ИКП мы итальянцев одобряем и поддерживаем, а здесь выламываем руки и создаем врагов, разваливаем партию… Очень просто: там (ИКП) – руки коротки.

12 апреля 75 г.

4-го был в театре Маяковского. «Беседы с Сократом». Странное ощущение, когда долгие минуты ничего не понимаешь, не связываешь одно с другим, - то ли огрубел и не доходят простые и ясные идеи, то ли эти идеи настолько банальны и плоски (при твоем-то объеме информационности и внутренней свободы мысли), что удивляешься, как это все всерьез могут показывать взрослым интеллигентным людям. То ли претензия на актуальную ассоциативность (намеки) вызывает отупляющее раздражение, потому что это кукиш в кармане, глупо и в общем-то антихудожественно. Радзинский переписал Платона.

---

[2] В конце 60-х годов он был первым замом у Пономарева, а потом направлен послом в Хельсинки.

Вчера – 3, 5, 8 Бранденбургские концерты Баха в Консерватории. Какая прелесть. Особенно 5-ый с фаготом. Оркестр Баршая.

Мемуары Надежды Мандельштам. Многое еще и еще раз заставляет задуматься и переживать.

Шпенглер «Закат Европы». Опять взял эту книгу. В первый раз (лет 10 назад) я отнесся к ней несерьезно и не прочитал внимательно. Она производит огромное впечатление. Он фактически довольно точно предсказал главное в развитии мира после 1917 года. И, кстати, его философия отнюдь не пессимистична. Она – реалистична. Она зовет смотреть на вещи, на историю, на будущее трезво, прямо и квалифицированно (со знанием дела).

С 8-го по 10-ое в Берлине проходила Рабочей группа (документы к конференции компартий Европы). Загладин говорил кое-что по телефону, но отчета пока не прислал. Он все дальше оттирает меня от этого дела. Взял с собой в Берлин ораву бездельников…

«Казус Миттерана». 14 апреля должна была приехать делегация французской соцпартии, фактически вся ее верхушка. Кстати, визит откладывался раз пять, в том числе однажды по причине «антисоветского» интервью Миттерана. А на этот раз Зуеву (зав. сектором) во вторник 8-го позвонил Блатов и сказал, что визит надо отложить, придумайте аргументы и подготовьте письмо Миттерану и Марше. Придумали: занятость в связи с подготовкой пятилетнего плана и юбилейных торжеств по случаю 30-летия Победы. В Париже это вызвало потрясение. Причем больше, чем сами социалисты (Миттеран был на Таити), взвились коммунисты. Ночью в посольство примчались Леруа и Плиссонье и заявили: «Что вы делаете? Мало вам скандала с Шираком? Теперь в пятый раз откладывая Миттерана, вы фактически заявляете, что не хотите иметь дело с левыми силами Франции! Как это все понимать? Мы сделаем заявление Политбюро…» и т.д.

И если социалисты опубликовали сообщение без всяких квалификаций: откладывается по просьбе советской стороны, то Марше «выразил сожаление».

Между тем, сегодня программа «Время» по телевидению открылась показом того, как Брежнев в течение 5-7 минут держал в обеих руках руку министра торговли США Саймона, приехавшего в Москву на очередную сессию советско-американской комиссии, потом долго «принимал» его…

16-го, как мне сказал Б.Н., велев готовить проект резолюции (!), откроется Пленум ЦК. Впрочем, он будет не о пятилетке, а как раз о внешней политике с докладом Громыко.

Бунт в Париже возымел действие. Может быть, сыграло роль и то, что в Москву вернулся Б.Н. и на Политбюро «чего-то такое говорил». Удалось добиться, чтобы Миттеран все-таки приехал 23 апреля!

Однако, как же делается политика?! Ведь то, что произошло, Зуев почти точно предсказал Блатову за два дня до того, как это случилось на самом деле. Но Блатов не осмелился (!) «довести до сведения», а послушно делал то, что велели, хотя велели явно неквалифицированно, во вред делу. Это ужасно и опасно, когда помощники бессловесны, бесхарактерны. И это плохо, что делают важные политические шаги, даже не спросив у тех, кто может и должен рассчитать неизбежные последствия.

В проекте «Обращения к народам, парламентам и правительствам» досталось мне согласовывать его между Громыко, Пономаревым, Катушевым и Отделом пропаганды ЦК. Мне удалось до самого последнего момента избегать слова «Германия». Громыко (а его подпись последняя) таки его вставил. Однако я настроил Б.Н. попытаться вычеркнуть его.

Сижу дома, правлю доклад Суслова к ленинским дням. Скучный. Если бы его делал обычный пропагандист, аудитория разбежалась бы. А тут банальности выглядят серьезной идеологией и политикой. Некоторые места (по комдвижению и Вьетнаму) ему вписали неквалифицированно. Сейчас поеду отдавать замечания Б.Н.'у.

18 апреля 75 г.

Я ужасно устал. Что делать? Непонятно, куда идет жизнь. Но сначала о том, как делаются политические документы, о которых несколько дней говорит весь мир.

Еще в прошлую пятницу мне Пономарев сказал: 16-го будет Пленум ЦК. Нам, видимо, надо подготовить проект резолюции. Тема – о международном положении и внешней политике Советского Союза. Доклад будет делать Громыко. Подумайте за выходные дни.

Я подумал и за два часа сочинил проект резолюции. Б.Н. был занят иракским Хусейном и только поздно вечером прочитал. Утром во вторник он помчался с этим к Суслову, тот поправил две-три фразы. Б.Н., торопясь опять к Хусейну, вызвал меня по соседству с Сусловым в комнату Секретариата ЦК, передал мне пару замечаний. А 16-го за полчаса до начала Пленума Суслов «прокатал» текст среди коллег по Политбюро и потом сам зачитал на Пленуме. Брежнев сказал, что члены Пленума могут, конечно, поправить какие-то слова, но он лично считает проект превосходным и готов голосовать обеими руками.

Вечером по телевизору слушал, как диктор с чувством и выражением читает мой текст. На Пленуме я не был, доклада Громыки в глаза не видал. Те, кто там был, Арбатов, Загладин и, говорят сам Воробей (Александров-Агентов), не говоря о Б.Н.’е, считают доклад скучным и бессодержательным. Арбатов мне сказал (не зная, что я и есть автор резолюции), что она несравненно сильнее самого доклада и «все там так говорили в кулуарах».

Снят Шелепин. Это – неожиданность и для Пономарева. Не посмотрели даже на то, что англичане, устроившие председателю ВЦСПС кошачий концерт две недели назад, могут воспринять это как результат их давления. Они так и восприняли, судя по «Times» и К°. Шелепин подал заявление Пленуму, в котором говорится, что 7 лет, мол, я выполнял поручение ЦК, но теперь, поразмыслив, убедился, что у меня нет «производственной квалификации», чтобы руководить этим участком!

В общем-то, конечно, хорошо, что полетел Шурик, претендент в «наполеончики». Но, тем не менее как-то все непонятно делается… и почему именно сейчас?

На 24 февраля 1976 года назначен XXV съезд.

Б.Н. уже засуетился и я вынужден был сегодня среди прочих дел срочно готовить задания секторам по трем нашим темам: МКД, социал-демократическое и национально-освободительное движения.

А кроме того, академический доклад Б.Н.’а, дважды проект статьи (по решению ПБ) «Великий урок» - о распределении долей в Победе. Скандал в Югославии после статьи министра обороны Гречко по случаю 30-летия войны. Он там вклад югославов приравнял к вкладу болгар и чехов. Глупость, которая, впрочем, не случайная, а подготовлена была всей линией нашей пропаганды и всей нашей манерой подправлять историю во имя политической конъюнктуры. Тито шесть раз гневно выступал по этому поводу и вся югославская пресса словно с цепи сорвалась. Так вот, чтоб «поправить неловкость», велено было подготовить «объективную» статью, вроде как на общую тему, а на самом деле ради этого. Первый «правдинский» вариант был очень слабый и глупый. Второй уже поприличней, там хоть и о союзниках сказано кое-что…

Б.Н. все еще заставляет атаковать социал-демократов: зачем они вмешиваются в Португалии. Смешно. Собирается их публично гвоздить, одновременно расстилая ковер перед Миттераном, который приедет 23-го на высший уровень... одновременно, принимая у себя по моему настоянию Новодемократическую (социал-демократы) партию Канады. Сегодня состоялся «круглый стол» у Арбатова в Институте. Все это коминтерновские отрыжки.

Заставил меня вчера Б.Н. вписывать в проект выступления Брежнева на 8-ое мая (ко дню Победы) – «об идейно-политическом уровне народа». Я вяло возражал, доказывая, что это демагогия: какой уровень, когда взятки, рвачество, прогулы, протекционизм, пьянство. Огромная масса рабочих плевать хотела на общие дела и проч. Все-таки он настоял. Но я вывернулся и написал «абстрактно».

26 апреля 75 г.

Приезжал О'Риордан. После своего съезда (компартии Ирландии). Предлог – рассказать о XVI съезде своей партии. «Идеологический съезд». Отменили решение 1968 года по Чехословакии. В партии 600 человек. У меня с ним была скучная беседа. Когда я его спросил о работе коммунистов, что, собственно, они делают в стране, он вновь стал рассказывать о положении дел вообще в Ирландии. И был очень смущен. А просьбы? – Оплатить билеты для делегации на съезд КП США, - принять 23 человека в Ленинскую школу.

Однако, когда я упросил Б.Н.'а его принять, он подготовился и произвел на Б.Н.'а впечатление боевого, идейного, верного лидера, «каких побольше бы в других партиях». Тем не менее Б.Н. кинул ему вопрос о численности партии и потом не раз возвращался, что, мол, все хорошо, но «мало, мало членов»…

Записали О'Риордана на телевидении, посадили в президиум во Дворце съездов на ленинском вечере (доклад Суслова). Обласкали. А перед этим несколько недель пребывал в ГДР, где тоже был обласкан. Вот так он и содержит свою партию, в которой, конечно, не 600, а дай бог, сотня.

Миттеран. Делегация ФСП на высшем уровне. От нас Суслов, Пономарев, Загладин, другие. Вадим рассказывает о совершенно необычайных вещах. Дело даже не в том, что Миттеран целиком присоединяется к нашей внешней политике. Дело больше в самом факте равноправного разговора, в котором обе стороны признают законность, и даже необходимость существования и деятельности друг друга. Миттеран восхищается Брежневым не просто как государственным деятелем, а как коммунистом, качества которого (именно как коммуниста) позволили ему стойко, упорно, неуклонно вести дело к поставленной цели и добиваться своего, несмотря ни на что.

Когда Загладин попытался записать в коммюнике обычную нашу формулу: мол, ФСП отмечает успехи в коммунистическом строительстве, французы предложили иначе – успехи в строительстве социализма по планам и программе КПСС. Т.е., пожалуйста, стройте то, что вы считаете социализмом, а мы будем строить свой социализм. И мы (!) идем на это.

По другим вопросам Загладин изобразил позицию Миттерана так: НАТО! .. Ну, что вы так болезненно это воспринимаете. Да, мы за НАТО, потому что западный европеец привык связывать с ним свою безопасность. Это массово-психологическое явление, которое постепенно исчезнет по мере того, как мы вместе будем работать над ликвидацией обоих блоков.

ФКП. Мы признаем ее и считаем, что она нужна Франции. Но и мы тоже нужны. Это объективная реальность. Из этого мы и исходим в союзе левых сил. Есть конкуренция с ФКП. Тоже неизбежно и тоже ничего в этом драматического не видим. А мы, КПСС? Мы согласны с этим – это вытекает из самого факта такой встречи. А как же с нашей идеологической посылкой о руководстве со стороны марксистско-ленинской партии? Как себя чувствует Трапезников, хранитель сталинской ортодоксии в ЦК КПСС? Или, может быть, он и ему подобные думают, что все это с нашей стороны лишь конъюнктурная тактика?

На обеде: открытость разговора, теплота и естественность. «Суслов разошелся», - заметил Вадим. Вспомнил, что у него есть какие-то картины импрессионистов. Послал за ними домой. Подарил. Миттеран подарил альбом оригинальных рисунков времен Парижской коммуны. Объятия, шутки и проч. Это Суслов! Хранитель чистоты марксизма-ленинизма и чемпион борьбы против всякого реформизма и ревизионизма, всяких отступлений и уклонов!

Все это, может быть, даже не до конца продуманный, во многом импульсивный выход на новые реальности, отказ от стереотипов эпохи, безвозвратно отшедшей в прошлое.

Но наряду с этим упомянутое выше требование Б.Н. о записке против социал-демократии. Наряду с этим недавнее выступление Пальме по поводу «письма Дубчека» и речи Гусака на этот счет. Впрочем, это не значит, что Пальме, который метит на председателя

Социнтерна, Крайский и К° не признают реальностей коммунизма. Просто они отстаивают реальность социал-демократии и рассчитывают на либерализацию коммунизма.

Но тогда зачем мы Миттерану, который тоже ведь в Социнтерне не последнее лицо? Очень просто: общение с нами утверждает его в качестве альтернативы Жискару. А если такая смена произойдет, он будет добиваться «своего социализма» во Франции, используя мировую ситуацию, в которой СССР один из главных полюсов, причем уже отказавшийся от претензий на унификацию всех революций по октябрьскому образцу. Там, на Западе это уже поняли. Этим объясняется и наглость Пальме, и готовность Брандта-Миттерана дружить с нами. Не поняли этого (и никогда не признают) Трапезников и миллионы его единомышленников в КПСС.

Встреча Брежнев-Миттеран. За час до нее звонок Блатова и по телефону составление вдвоем проекта сообщения об этой встрече. Насыщение его значительностью этой встречи, которая, конечно, станет объектом большой прессы во всем мире. Загладин мне сказал, что Пономарев морщился, когда ему показали проект. Но уже был не в силах «ослабить», так как ему было сказано, что Генеральный в принципе уже одобрил. А Миттеран не внес ни единого изменения.

Во второй половине дня позвонил Бовин и позвал где-нибудь «сплотиться на прочной марксистско-ленинской основе». Заехал за ним в «Известия». Направились в Дом кино. Долго нас не сажали, но за солидностью вида и не выгоняли, но то и дело спрашивали: «Вы члены?»… Одна официантка усадила таки, стоило это лишней пятерки. Откровенно говоря, я думал, что Сашка «имеет что-то сообщить» мне. Но ничего подобного. Просто некуда ему было деваться и хотелось поесть.

Рассказал он мне такой эпизод из времен XXIII съезда, когда Шурик (Шелепин) был в центре внимания зарубежной прессы и слухов насчет того, что Брежнев – это «временно», а грядет «железный Шурик». Приходили, говорит, ко мне «его ребята» звать к себе. Нам, говорят, нужны умные люди. Что ты прилип к бровастому! Ему недолго быть! А у нас все уже почти в руках. Я посмотрел на них и ответствовал: «Ребята! Я вас не видел и разговора никакого не было». «Ну, как хочешь. Только смотри – пожалеешь!»

Думаю, что такая деятельность Шуриковой опричнины известна была не одному Бовину.

<u>29 апреля 75 г.</u>

Умер Жак Дюкло[3]. Пономарев поехал хоронить.

Португальская КП получила 13 % на выборах в Учредительное собрание (30 мест). Социалистическая партия – 38 % (116 мест). Большой шум вокруг этого, хотя все совершенно естественно. Победа социалистической партии – отнюдь не ее заслуга и не отражает (далеко!) реальной роли этой партии.

Достал альбом Иеронима Босха. Уму не постижимо. Оказывается, даже сюрреализм 500 лет назад как возник, не говоря ужо том, что Шекспир все про все давным давно сказал.

Достал, наконец, последний сборник Дезьки (Давид Самойлов) – «Волна и камень». Читал, обливаюсь слезами. Великий Дезька, бедный Дезька! И как близко все, что он пишет!

<u>13 мая 75 г.</u>

С 30 апреля по 11 мая был в загородной больнице: сам пошел резать нос. Бюллетень у меня до 14-го, но я 11-го сразу же поехал на работу. В больнице не хотелось делать ничего служебного. Но в своем «отстранении» я еще острее почувствовал, что без работы я ничто. Что бы там ни говорили о свободе, она не бывает без достоинства, а это – категория общественная.

---

[3] Старейший и самый знаменитый лидер французской компартии.

Готовлюсь к встрече с Брауном (член ПБ из соцпартии Австралии). Едет перед съездом (вторым после основания партии). Хочет знать наше мнение о проекте программы. А программа – скучнейшее, сумбурное сочинение, где почти все правильно… переписано из учебника для Ленинской школы. Писали ее люди, которые в ней учились. Ее выпускники считаются теоретически подкованными кадрами. На самом деле – если они сами до этого не учились, и после этого не собираются учиться и думать – это просто люди, заучившие «краткокурсовой отче наш», отбивший у них способность самостоятельно и реалистично анализировать события.

Что-то я буду говорить этому Брауну о его проекте?

Пономаревский доклад для сессии АН СССР, который будет 21 мая. Будут освобождать Келдыша. Но, как мне сказал Б.Н., «парадоксальная ситуация – обычно толпятся, чтоб занять это кресло. А на этот раз – никто не хочет». Да! Даже в той среде все больше берет верх другая «система социальных ценностей».

16 мая 75 г.

Беседа с Билл Брауном по проекту программы, которую они примут на 2-ом съезде в июне. Три часа! Возражать он не мог, да и не смог бы, потому что я ему фактически («по-Ленину») растолковывал, что «чистый коммунизм», который они напихали в программу, никуда не годен с точки зрения реальной борьбы современных коммунистов (о возможности войны между империалистами, о полиции и армии, о «двух этапах революции», о том, возможны ли независимая политика и недопущение фашизма еще и при капитализме, о разных кризисах и проч. И в особенности о том, что сейчас компартия без своей внешней политики – безнадежна).

Вечером - на Плотниковом. Хосе Вандель. Первый за полтора года чилиец из руководства КП Чили, который перешел границу в Аргентину и приехал в Москву, а вчера уезжал обратно.

Моя горячность по поводу латиноамериканской конференции компартий. Всякие ортодоксы из Ленинской школы начинают щипать проект резолюции к конференции. Даже выискали противоречия с Заявлением Совещания 1969 года, а некоторые усмотрели преднамеренность в этом. Жалуются в наш ЦК и даже ищут поддержки: вот, мол, мы какие идеологически бдительные. Все эти теоретики по перестановке запятых вдруг нашли поддержку со стороны Престеса[4], который заявил, что надо из-за «негодности» проекта отложить конференцию.

Арисменди, узнав об этом, пришел в бешенство. Сегодня я подписал его телеграммы в Боготу и Хорхе дель Прадо в Лиму: предупреждает и зовет дать отпор Престесу.

Я вчера разъяснял чилийцам (а там были и Тейтельбойм, и Мильяс, приехавший из Берлина, и Коррера, и их комсомольский лидер), что если допустить срыв конференции сейчас, кубинцы никогда больше на нее не согласятся. Им она не нужна. И неужели в партиях еще столько политического детства, что из-за разных там формулировок они могут поставить под вопрос дело принципиальной, может быть, исторической важности – фактическое восстановление латиноамериканского коммунистического единства (причем, в новых условиях и единства с кубинской КП, которого еще не было).

Когда я рассказал об этом сегодня Б.Н.'у, он отреагировал «намеком»: я всегда подозревал этого Престеса. Действительно, что-то неясное в нем. Ведь партию-то он развалил. И к тому же, 20 лет находился в стране на нелегальном положении, и с него волос не упал, а он ведь фигура, известная в Бразилии каждому мальчишке. Не думаю… А, впрочем, черт его знает! Не такое в компартиях бывало.

Сегодня беседа с Мендесом – помощником Куньяла. Приехал по экономическим делам. Хотят продавать нам вагоны, суда, портальные краны. Будут договариваться, чтоб мы

---

[4] Престарелый лидер бразильской компартии, национальный герой.

им поставляли хлопок, а они из него будут делать вещи и экспортировать нам. Только качество плохое. И прозевали – хотели объединить мелких текстильщиков для этого дела, но технари из правительства объединили 10 крупных. Для ПКП главная во всем этом проблема – рассасывание безработицы, которой не было в Португалии до революции 25 апреля 1974 года.

18 мая 75 г.

Вечером был у Б.Н.'а. Рассказал ему про Брауна, про Престеса, про Арисменди, про помощника Куньяла. Насторожил его насчет возможного срыва латиноамериканской конференции.

Он в свою очередь рассказал мне про беседы с Грличковым (СКЮ) насчет конференции компартий Европы. «Сказали ли югославы, наконец, чего они хотят и чего боятся?» – спросил я. «Говорили то же самое, что мы у них уже читали, - ответил Б.Н. – Не хотят, чтоб документ был обязательным. Я спросил тогда: А вы что хотите так и записать – документ, мол, не обязателен? Смеются. Все понимают, что это глупо. Не хотят никаких коллективных действий: это, мол, восстановление центра.

Я: Но ведь даже в Совете мира принимают коллективные решения и договариваются об организации совместных действий.

Б.Н.: Соглашаются и тем не менее… Не хотят подвергать опасности свой статут неприсоединения. И, кстати, изложили классификацию партий по 4 группам: партии у власти и входящие в блок; партии не у власти, но влиятельные; партии не у власти и не влиятельные; партии (партия СКЮ) у власти и вне блоков.

Было, - говорит Б.Н., - у них и резонное соображение. Нельзя, мол, допускать, чтобы эта конференция компартий нанесла вред нашей государственной внешней политике. Я (Пономарев) поддержал эту идею. И в самом деле: Женевская конференция вновь смещается. Раньше осени ее не провести. И мы свою теперь должны проводить осенью, так как там съезд поджимает. Значит. Сразу же после государственной конференции собираются коммунисты и, либо по существу противопоставляют себя Женеве-Хельсинки, как того хотят французы, либо тащатся в хвосте у государственной конференции, как того хотят югославы.

И вновь Б.Н. понес на чем свет стоит тот день, когда согласились на конференцию компартий, и тех людей, которые эту идею подхватили. (Итальянцы-де сами теперь локти кусают – зачем они вылезли с этой инициативой).

Ничего, кроме демонстрации расширяющейся дистанции и углубляющихся различий между компартиями конференция (уже ее подготовка) не приносит. ФКП с каждым днем заводится все больше. Марше в недавнем интервью заявил: «Мы не менее независимы, чем ИКП. И если документ нам не подойдет, мы его не подпишем».

А «Юманите» пояснила: разногласия и споры в Рабочей группе идут между теми, кто хочет «обелить империализм» и теми, кто считает, что мир может быть завоеван через борьбу против империализма и победу над ним в каждой капиталистической стране. По тону и фразеологии статья явно принадлежит Канапе («некоторые уже имеют социализм и хотят мира, мы тоже хотим мира, но мы хотим и социализма»…)

А мы… Мы чего хотим и что можем?

Ведь ситуация вверху такая, что дилемму, которая ясна всем компартиям, ясна нам – специалистам международникам, ясна Пономареву, Катушеву…, не могут даже обсудить на ПБ. Потому, что сама постановка такого вопроса большинству его состава не понятна и покажется «неправильной». Ведь будут искать не «что делать?», а «кто виноват?» и «как допустили?», если, например, Б.Н. осмелится поднять этот вопрос. А поднять он его не может, потому что «нельзя обременять подобными глупостями» Генерального, которому определен «щадящий режим» (как, впрочем, и Суслову) и который после торжеств 8-9 мая опять удалился от дел. И по этому случаю отменен (или отложен), намеченный на 14 мая визит Брандта (а пресса-то на Западе шумит – гадает, что бы это значило, не меняет ли Москва

своего внешнеполитического курса, не переборщили ли ФРГ в своих играх с Западным Берлином, не срываются ли советско-германские экономические отношения и т.д.).

Ох, Россия матушка! Ох, mass media! – куда вам со своими утонченными инструментами разобраться в наших мотивах и причинах!

24 мая 75 г.

В четверг в 6 часов, к концу рабочего дня Вершинин принес мне «Особую папку» и еще одну, толстую, явно какую-то рукопись. Сказал: Б.Н. просит тебя ознакомиться, но только сегодня, на ночь ее надо обязательно вернуть. У меня сидел Дилигенский – дела по многотомнику «Рабочее движение», а также о книжке Перегудова по лейбористам, которую издательство боится издавать и проч.

Он ушел, я раскрыл «Особую папку».

Записка двух отделов (Пропаганды и Оргпартотдела) по поводу записки в ЦК Андропова «Об антипартийной деятельности Л. Карпинского, Глотова и Клямкина». Л. Карпинский – сын знаменитого старого большевика, который после XX съезда и до своей смерти года два-три назад, когда ему было уже лет под 100, непременно занимал места в президиуме Дворца Съездов по большим праздникам, по случаю съездов партии и т.п. Лен Карпинский (имя от «Ленин») был до 1962 года секретарем ЦК ВЛКСМ, потом зав. отделом «Правды», потом его вытурили за совместную с Бурлацким статью в «Комсомолке» о том, как московские культорганы задушили одну из очередных пьес на Таганке (тогда и Бурлацкий полетел из «Правды»), потом вроде долго болел печенью или кровью, потом устроился на какую-то мелкую должность в издательстве «Прогресс».

Я его знал немного, как-то виделись раза два в театре на Таганке, потом однажды оказались рядом в троллейбусе. Раза два он внезапно заходил ко мне на работу, приносил списки иностранных книг, из которых мы, Международный отдел, должны были выбрать нужное, а они, «Прогресс», тогда уже будут переводить на русский для «особого списка». Из разговоров с ним я вывел только одно: это мягкий, очень интеллигентный и вместе с тем простой, контактный человек, симпатичный и отзывчивый в общении. С ним очень легко сходиться. Он держался со мной на «ты» и так, будто мы чуть ли не друзья детства. Никаких «таких» своих взглядов и идей он при мне и мне никогда не высказывал. Но вид у него был всегда печальный и угнетенный, на всем его старо-русско-московском интеллигентном облике лежала печать «мировой скорби». Большие глаза, тонкий с горбинкой нос, узкий овал, красивый правильный рот, черные волосы, костлявый, плечистый, сутуловатый и узкогрудый. Лет под 30 с небольшим.

Что он недоволен «режимом» было видно по всей его манере, хотя он не мог бы по самой своей натуре быть злобным оппозиционером.

Фамилии Глотова и Клямкина я увидел впервые. Это, оказывается, заведующие отделами редакции «Молодой коммунист».

Суть дела. Андропов докладывает в ЦК о том, что обнаружено намерение этих трех (во главе с Карпинским) издавать подпольный (самиздатовский) журнал «Солярис». В первом выпуске предполагалось поместить статью самого Карпинского «Слово тоже дело», статью Гефтера о ленинской методологии исследования общества и работу Лациса «Год великого перелома».

Карпинский, Клямкин и Глотов вызывались в КГБ, с них взята подписка об отказе от затеи, они предупреждены, а остальное – дело партийных органов (т.е. вопрос об их партийности и увольнении, или сохранении на прежнем месте работы).

Приложена магнитофонная запись беседы с Карпинским начальника управления КГБ Бобкова и фотокопия рукописи Лациса (та самая толстая папка). Запись поразила меня. Оказывается Бобков и Карпинский до 1962 года вместе работали в ЦК ВЛКСМ. С тех пор не виделись. И вот теперь встретились…

Поговорили об этом. Бобков напомнил, как бы спохватившись, что все-таки должностное лицо. Спросил, догадывается Лен, зачем его «сюда» пригласили. Тот сделал вид, что «нет». Далее – обычные, видимо, заходы: будем ли откровенны, иначе нечего и время терять.

Бобков вел разговор очень умно, достойно, без малейшего намека на запугивание, без всякого шантажа. Он откровенно сказал, что речь идет о «Солярисе». И когда, после некоторого перетягивания (не каната) слабой резиночки, Карпинский понял, что все и обо всем известно, он назвал и все фамилии и все, что делалось. И разговор пошел, можно сказать, теоретический, хотя оба не раз оговаривались, что не для того они здесь, чтобы вести теоретические дискуссии.

Карпинский отрицал намерение издавать журнал «по линии самиздата». Бобков резонно парировал: зачем тогда излагать мысли в связном статейном виде, редактировать тексты (Карпинский это сделал в отношении Лациса) и даже писать послесловие (к Лацису). Карпинский доказывал, что речь все же шла об обмене мыслями в очень узком кругу, а записывать – чтобы четко откладывалась мысль, чтобы можно было последовательно и организованно спорить, чтобы был какой-то порядок в рассуждениях, чтобы можно было фиксировать результаты дискуссий и т.д. Бобков отвечал (и вполне компетентно), что все самиздатовские дела начинались так же. Но коль скоро что-то напечатано, вещь неизбежно выходит из-под контроля инициатора, какие бы добрые намерения у него ни были. Вот, говорит, о вашем журнале (пусть, вы говорите, «библиотеке», которую вы хотели лишь складывать у себя на полке) знает Янов (это, оказывается тот самый литератор, который года два-три назад напечатал в «Новом мире» интересную статью об НТР и современном герое производственного романа. Я, помню, обратил на нее внимание). А теперь этот Янов – в Израиле, работает в «Голосе Израиля».

Или: написанное надо печатать. Для этого нужна машинистка. И вы нашли машинистку Алексееву. Но о том, что она печатает, узнали не только мы, но кое-кто другой. Мы сделали обыск и вот «Солярий» у нас, но он мог быть и уже, может быть, имеется и кое-где еще.

Карпинский при этом воскликнул: «Значит, мы ошиблись в человеке!». Оба засмеялись.

Между такими «отступлениями» Карпинский излагал свое кредо. Уже более 10 лет он мучается проблемой, откуда взялся Сталин, изучал, думал, живет от этого раздвоенной жизнью и несчастен от этого. (Да, и во внешней жизни он несчастлив. Мне говорили, что от него ушла жена, или сам он развелся, полюбил другую, женщину с четырьмя (!) маленькими детьми. И будто они живут душа в душу, он возится с ребятами, как со своими, но бедствует, бывает просто нищенствует. Вид у него всегда был затрапезный, неопрятный – вид, едущего с работы шофера тяжелого грузовика или водопроводчика…)

Так вот мучает его эта проблема потому, что, наблюдая, что происходит в стране, он пришел к убеждению, что причина в непоследовательности XX съезда. На съезде был поверхностный, теоретически несостоятельный, кухонный анализ феномена «Сталин», а после съезда были сделаны лишь кое-какие политические выводы (главным образом, ликвидация лагерей), а социально и экономически, а значит, идеологически все было оставлено по-старому. Демократия не развивается и в этом – источник наших неурядиц и бед.

Бобков согласился. Дважды или трижды они возвращались к теме демократии и реакция Бобкова была однозначна, что демократию, действительно, надо развивать, «но не с помощью же нелегальных изданий».

Карпинский горячо говорил, что не только вредно замалчивать и искажать нашу историю, что без этого мы не найдем средств к эффективному решению экономических и духовных проблем, но что это и невозможно. Длительный опят России показывает, что это невозможно. И нельзя еще и потому, что анализом того, о чем мы молчим, занимаются враги – иностранные враги. И всё все-равно становится известным.

Бобков возражал: кто же вам запрещает заниматься таким исследованием? Да и десятки институтов, ученых и проч. занимаются этим.

Карпинский тоже резонно парировал, что то, что он хотел бы сказать и до чего он додумался, никто печатать не будет. А в институтах даже устно можно говорить только в таких рамках, за которыми, собственно, и начинается настоящее исследование и понимание предмета.

Так они мило разговаривали.

Карпинский упрашивал не трогать Клямкина и Глотова. Бобков ему отвечал, что их «трогать» никто не собирается в определенном смысле. Но с ними уже беседовали, но они ведут себя по-дурацки. Все отрицают.

Карпинский: «Я им скажу, чтоб они не валяли дурака».

(Впрочем из «беседы», да и из записки неясно, какова роль этих двух из «Молодого коммуниста» в деле с «Солярисом»).

Бобков: «Ну, а что Гефтер?»

Карпинский: Гефтер вообще не при чем. Я с ним разговаривал, вообще мы много беседовали на вот эти темы. Он умный, глубокий человек. Он мне (Карпинскому) сказал: делай, как знаешь, я в этом участвовать не буду.

Гефтера я знаю с 1938 года, с первого курса университета. Он шел на два курса старше. Сначала я его помню как комсомольского вождя – он был секретарем вузкома. А перед войной (он заканчивал в 1941 году 5-ый курс) он был секретарем партбюро истфака. Гефтер был кумиром далеко за пределами истфака. Превосходный оратор, с ясной и четкой мыслью, большой культурой слова, он умел склонять в свою пользу любой спор, покорял аудиторию убежденностью. Я сам, помню, поражался, что после его речи я уже думал совсем наоборот по сравнению с тем, в чем был убежден до начала и в ходе собрания. (Меня он, конечно, не знал и не замечал. Я был тогда весьма рядовой и очень пассивный элемент). В нем было что-то от деятелей революционного времени, от эпохи гражданской войны. Он, видимо, представлял тот тип деятеля, который начинался от Троцкого, Зиновьева. Трибун огромной силы воздействия, с хорошей дозой демагогии, которая, однако, различима лишь для опытного слушателя (или для не очень правоверного интеллигента). В противоположность деятелям типа Кирова, тоже оратором и трибуном, тоже обладавшим кипучей, неуемной энергией. Но те были снисходительны к слабостям, к житейским обстоятельствам, способны понять простого человека – словом, представляли собой тип русского революционера и борца. А это был (как, видимо, Троцкий и Зиновьев) деятель с еврейским характером, неумолимый ригорист, не терпящий ни возражений, ни слабостей, признающий либо «белое», либо «черное», несколько любующийся своим превосходством и своей «железной принципиальностью».

Сейчас я, может быть, модернизирую свои тогдашние ощущения (и свой «восторг») от Гефтера довоенного. Но где-то, видимо, близко они лежат от того, чем он был на самом деле. Не надо также забывать, что это «1937-1939 годы»!!

22 июня 1941 года, когда нас собрали в Комаудитории на митинг, говорили многие. И говорил Гефтер. Это был огонь и пламя. Мы уходили вечером без тени растерянности и недоумения, которые охватили, в частности, меня после речи Молотова по радио. А 26-го или 28-го июня (точно не помню) мы уже ехали в эшелоне в сторону Рославля копать противотанковые рвы. Гефтер ехал во главе всего нашего много сотенного отряда в качестве комиссара.

Там он был тоже строг, вездесущ и неумолим. Его называли «Миша», однако, дистанция у него от массы всегда чувствовалась. Его авторитет был беспрекословен и вполне натурален. Все восхищались им и по-настоящему уважали. Да и впрямь! На него выпала нелегкая доля. Нас надо было кормить (и доставать еду где попало, в том числе от бегущих на Восток эвакуированных), надо было поддерживать наш дух и дисциплину, более того – энтузиазм. А потом, когда немец стал нас обходить и не успевали мы дорыть одну линию рвов, как надо было выбираться из пол-окружения и начинать копать на другой позиции –

опять же Гефтер был организатором всего этого. Он связывался с воинскими частями, он распределял задания и руководил работой.

Помню, завелись вши. Миша отдал приказ: немедленно всех постричь. И начали стричь. Он, кстати, сам стоял с машинкой и помогал добровольным парикмахерам. Я восстал: у меня была роскошная шевелюра. Миша публично сделал мне длинное внушение, но все же снизошел и разрешил лишь обкорнать меня покороче.

К концу августа начался ропот. Мы то и дело вынуждены были отходить (нас ночью вывозили на машинах). Потому, что мы работали под постоянным наблюдением «рамы» или «костыля», немцы то и дело глубоко обходили нас слева и справа. Ребята призвали Мишу и потребовали, чтобы нам выдали винтовки, иначе нас в один прекрасный день возьмут как гусят в плен. Миша сказал речь (винтовок, конечно, не дали), но, помнится, прежней уверенности в том, что дело не может кончится плохо для всех нас, в его словах и манере уже не было. В конце августа 2-ые, 3-и, 4-ые курсы «по приказу Сталина», конечно, вывезли в Москву. Помню, с какой бешеной скоростью гнал эшелон машинист ночью и днем, а на Киевском вокзале студенты вытащили его из паровоза и минут 20 качали. 1-ый и 5-ый курсы остались. Остался и Гефтер.

Остальное – уже с чужих слов. Они там докопались до того, что попали, наконец, в полное окружение. Выбирались кто как мог. Миша вышел к своим без партбилета: закопал, когда случилась ситуация, из которой он уже не мыслил выбраться.

<u>8 июня 75 г.</u>

Был у меня разговор с Пономаревым. Он сам заболел.

- Слыхали? Про Карпинского и других. И Лацис затесался. Из журнала («Проблемы мира и социализма» в Праге). А это ведь мы его туда посылали. Какой это Лацис?
- Не знаю. Впервые о нем услыхал.
- Это не муж поэтессы, которая ходит часто к нам. Все говорит: «У меня муж, Лацис, такой талантливый, такой талантливый» Вот тебе и талантливый… И Красина[5] надо поскорей убирать. Как бы он не оказался здесь замешанным. Ведь Рой Медведев тут как тут!

Я попытался втянуть его в серьезный разговор. Наивность Карпинского никого не убеждает. Но за этим и проблема, и трагедия. И я начал было излагать то, что успел прочесть из папки Лациса (там три главы: Сталин против Сталина», «Бухарин против Бухарина» и, кажется, «Ленин против Ленина»). Успел я прочесть только первую, блестяще написанную повесть о том, как Сталин вместе с Бухариным стойко обороняли и проводили ленинскую генеральную линию (после смерти Ленина) и как Троцкий, Зиновьев и К^{о} и проч. потерпели поражение (и потому, что у Сталина в руках был аппарат), и потому что они выступили против утвержденной съездом генеральной линии партии – и оттого с самого начала были обречены. Он приводит уйму цитат из Сталина, которые (я поразился себе) мы все в свое время знали наизусть, в особенности из 1927 года, XV съезда…, из которых Сталин, действительно, выглядит последовательным и умелым проводником ленинского (НЭП) подхода к строительству социализма.

Но вот январь 1928 года. Сталин едет в Сибирь и в его речах, опубликованных, оказывается, только в 1949 году, «когда Сталину некого было бояться и не перед чем стесняться», Сталина будто подменили. Он целиком перешел на позиции Троцкого, в чем его эзоповски через полгода уличил Бухарин в своих «заметках экономиста».

И т.д. Сумбурно, торопясь я изложил это Б.Н.'у. Он отреагировал – «Это сейчас не актуально». Я ответил: «Что же тогда актуально в нашей истории, если не это?» Ведь туда уходят корни и современной идеологической борьбы. Я, говорю, прочтя Лациса впервые понял, что Трапезников, удерживая монополию на этот период нашей истории, определяет исподволь, кто ревизионист, а кто ортодокс. Я понял, почему он так яростно, когтями

[5] Красин – консультант Международного отдела. Пономарев сам, по чьей-то рекомендации, «выписал» его лет 10 назад из Ленинграда. Общался с Роем Медведевым и был «засвечен».

держится за эту монополию. Ведь в нашей идеологической суматохе сейчас водораздел в конечном счете все-таки по линии: сталинист-антисталинист (или, хотя бы что тоже «подозрительно» несталинист). И именно Трапезников, занимал такую позицию в «Истории КПСС» у пульта в решении этого вопроса. Пока так будет, он будет определять идеологическую атмосферу, и будут вновь и вновь появляться «Карпинские» и проч.

Всю эту тираду Б.Н. выслушал с досадой. Повторил, что «это не актуально». И еще «Они (?) должны видеть, что во время празднования 30-летия Победы ни разу нигде не был упомянут»… и он провел по усам. Вот это важно.

Разговор на этом кончился: к Б.Н.'у кто-то рвался.

Конечно, «важно!». Но на это тот же Трапезников и другие привыкли не обращать внимания. И это им вполне сходит. А главное. Тот самый итог, которым я хотел сегодня ограничиться: никто не составил себе труда вникнуть в суть дела (кроме кгэбиста Бобкова, но его функции ограничены и не он обязан делать идеологические выводы). Даже Б.Н. не захотел даже прочитать ни беседы Карпинского с Бобковым, ни брошюры Лациса. Но все секретари ЦК расписались, поддержав записку двух отделов, где тоже, видно, полностью материал прочитал какой-нибудь инструктор. Все это было передано в КПК для определения партийной ответственности Карпинского, Глотова, Клямкина.

За прошедшие две недели были всякие текущие события. 25-го приехал Уоддис. Я его встречал и ужинал с ним.

26-го Пономарев его принимал. Довольно все банально, хотя и значительно доброжелательнее, чем в прежние времена. Потом мы с ним отдельно имели две большие «дискуссии» по разным вопросам: «зачем вы так хотите встречи на высшем уровне между КПСС и КПВ?», «будет ли не формальный разговор?» - не понравилось ему, что Б.Н. назвал таиландских, малайских и т.п. коммунистических повстанцев «прокитайцами, сидящими на деревьях и стреляющими оттуда». Уоддис прочел мне целую лекцию о законности их вооруженной борьбы и закономерности влияния китайцев в их среде, как и в Африке.

В ответ я ему: если мы с вами будем так готовить встречу Брежнев-Макленнан, мы только поссорим наши партии. Это же ведь не теоретический симпозиум. Вы имеете что-нибудь предложить политическое по результатам обсуждения подобных вопросов? Нет! Тогда не надо их и поднимать на такой уровень. Мы, например, не имеем ничего для решения вопросов комдвижения в упомянутых странах и, следовательно, пусть поработает время, а не Брежнев с Макленнаном.

Еще говорили с Уоддисом о наших и китайских специалистах в Африке о том, «голодает ли английский рабочий класс» (этот вопрос задал Уоддису Пономарев), а также - «кому нужна европейская конференция компартий, - кому больше – нам или им?»

Луньков (посол в Лондоне) на аэродроме в Шереметьево. Предсказал 60:40 по референдуму об «Общем рынке». Теперь известно – 67:32. Причем 20 млн. англичан вообще не пошли к урнам - так он их заботит, этот «Общий рынок»!

Напряжение с Пономаревым перед отъездом его к избирателям: речь и доклад (для актива). Я в сердцах ему сказал: «Зачем столько хлопот? Все равно никто этих речей не читает!» Обиделся и больше меня «не тревожил», доматывал Вершинина, доказывая ему, что на Западе рабочий класс таки голодает, а наши ученые и статистики все врут.

В пятницу 30-го мая Б.Н. встречался с Арисменди перед его отъездом на Гаванскую конференцию компартий. Заготовил ему основу для разговора. Но без меня.

А мне пришлось провожать туда чилийцев. Для Пономарева они теперь потерпевшие поражение, и он не очень-то ими интересуется. Большой разговор – о смысле конференции, о том, что мы хотели бы упоминания о международном Совещании, упоминания маоистов и проч.

Они мне в свою очередь рассказали о поездке Альтамерано в Румынию. Тот вернулся в бешенстве. Между прочим, на требование объяснить, для чего Румыния сохраняет

дипотношения к Чили, Чаушеску ответил: почему бы и нет, Советский Союз в 1939 году даже договор о дружбе заключил с Гитлером!»

Подонок! Но что делать?!

Пономарева сейчас очень заботит солидарность Брандта, Пальме, Крайского с португальским Соарешом (и деньги дают), их стремление развернуть антикоммунистическое наступление (после Вьетнама). На каждой шифровке он пишет мне всякие резолюции: мол, надо что-то делать. Я ему однажды предложил план конкретных действий (перед визитом сюда Миттерана). Был уверен, что никуда он этот план не употребит. Так и получилось. На этот раз я сочинил красивую реплику «Мера ответственности» (на 7-ми страницах). Вроде как бы для «Правды». Но такое надо пускать по Секретариату, и опять Б.Н. не пойдет, отговорившись, что, мол, «не то» и «не так». А на самом деле, просто 20 июня к Брежневу приезжает Брандт, и Б.Н., конечно, ничего не знает, как там будет, и тем более повлиять ни на что там не сможет. И уж, конечно, вылезать с критической, увещевательной статьей в адрес социал-демократии не согласится. К тому же, избирательная речь Генерального вот-вот!

В понедельник 2 июня были здесь Аксен и Марковский (СЕПГ). Обсуждали с Б.Н., что делать с европейской конференцией компартий. Обсуждали и французский казус. Между тем, французы заводятся все больше. Панков пишет из Парижа: встречался с Плиссонье. Тот был необычно жесток: мол, мы в корне расходимся с КПСС по анализу и оценке сути мирного сосуществования. КПСС отошла от принципов и от договоренности. Она пошла за итальянцами, югославами и румынами. Ради их присутствия и участия в конференции КПСС готова уступить в принципах. Документ, который представлен на подгруппу в Берлине в середине мая, для нас неприемлем. Он не может служить никакой основой. И если не будет возврата к апрельскому avant-project'у, мы документа не подпишем.

Марше публично тоже грозился документ не подписать. А «Юманите» опубликовала статью, в которой узнается все то, что говорил мне Канапа на Плотниковом, возвращаясь из Кореи.

Канапа на последнем Пленуме стал членом Политбюро! (Во время развелся с советской Вальей!).

3 июня состоялось первое заседание редколлегии «Вопросов истории» в новом составе. Появился там Хромов (от Трапезникова, из отдела науки) и еще человек пять в этом духе из ИМЭЛ'а, Института всеобщей истории и т.д. Домашняя атмосфера товарищества, иронии, доверительности и откровенности (с принципом – не обижаться), сложившаяся за 10 лет, исчезла начисто. Хромов трижды возражал мне (косвенно), «решительно» поддержав тех, кто не соглашался с моими оценками (по трем материалам). Трухановский ловко лавировал. Гапоненко наклонился ко мне: «Трудно теперь ему будет!» Но интервенции Хромова имели вполне четкую цель: показать, кто теперь здесь хозяин. Сел он рядом с главным редактором и все время чего-то ему бурчал – по каждой статье.

До первой большой стычки… Обидно. Все-таки журнал был для меня какой-то отдушиной в другую сферу. А теперь? Принципиальность свою демонстрировать? Зачем? При той-то ситуации, когда никто ничем по существу не интересуется.

Новенькие старались себя показать. И все – чтоб услышал Хромов. Громко, настырно, всюду требуя идеологического подхода и т.д. Я смотрел на них и думал: что движет этими 50-60-летними людьми? Зачем им это? Движет идея, какой-то свой принцип? Или они верят, что если в статье будет по ихнему сделанный абзац, что-то изменится? Или просто инерция держаться кресла? Не только инерция, а целая философия.

5 июня был у Дезьки (Давид Самойлов), 1-го у него день рожденья. Дезька читал свою прозу. Две больших главы (часа на полтора). Проза мемуарная, но глубоко объективизированная. Временами было ощущение, что присутствуешь при чтении чего-то подобного «Войне и миру» по густоте и структуре мыслей и чувств.

Одна глава – об Эренбурге как явлении советской истории и советского образа жизни. Другая – «Горянка» о горно-стрелковой дивизии, в которой он служил в конце 1942 - начале 1943 года на Волховском фронте.

Бессмысленно пересказывать. Отрывки очень разные и по теме, и по манере. Но объединяет их одно – Дезькино мировоззрение. Оно далеко от Солженицына. Он бесконечно далек от дешевой антисоветчины, от мелкотравчатого смакования наших провалов, несообразностей и недостатков. Но он позитивно не приемлет официальные и официозные, полузакрытые и закрытые (хотя и допустимые в узком кругу) объяснения нашей истории. Он не декларирует своего объяснения и даже в этих, по крайней мере, главах не формулирует его прямо. Но оно проступает из самой этой настоящей прозы: есть народ, он живет по своим законам, он меняется под влиянием неумолимых обстоятельств, но совсем не так, как это представляют записные политики, философы и литераторы. Он меняется по своему и он, в конце концов, определяет движение страны. Так было до войны (в меньшей степени, чем во время войны), так есть и так будет. Из ярких образов солдат, с которыми он вместе воевал (отнюдь не обязательно «хороших»), и, с другой стороны, из спокойного, бесстрастного и неодолимого разоблачения Эренбурга, как носителя лжи и полуправды, как спекулянта на народных понятиях и чувствах, складывается стихия движения народа. И несколько даже жутковато – от ощущения невозможности уйти от судьбы, которая заложена в этой саму себя не сознающей силе. Это проступает и из языка, который он впервые услышал на войне и понял, что для народа язык нечто совсем другое, чем для интеллигента и политика.

Внешне он страшен. Стар и облезлый. Хотя видит лучше. Читает. И бодр – не наигранной бодростью отчаянья, а от полноты и уверенности своего интеллекта. И от того, что у него столько друзей. Сама бытовая атмосфера, где пренебрегают «мелочами жизни», тоже, видно, жизненный фактор не последней важности.

14 июня 75 г.

Вчера выступал Брежнев перед избирателями. Хотелось пойти, но как только сообразил, что каждая фраза будет сопровождаться аплодисментами (так оно и было), стало неприятно, и не пошел. Мне очень стыдно (и перед собой, и вообще) за эти «ладушки-ладушки» в серьезном деле. Говорит (т.е. произносит) он все хуже и хуже. Текст по внутренним делам очень банален – банальнее прежних (хотя писали по-прежнему Бовин, Блатов…). По внешней – новое. Врезал он и Форду и НАТО’вцам за ужесточение позиции (после Вьетнама), за всякие угрозы и нажим, за раздувание военных бюджетов. Это правильно. Язык построже ничего не попортит, но вó время показать кулак в современной борьбе полезно.

Все обратили внимание, что появление Кириленко перед своими избирателями (причем, в Ленинграде) произошло позже Суслова (в Ульяновске), непосредственно перед Косыгиным. Все задают вопрос – что бы это значило?

Б.Н. вынудил-таки меня сочинить реплику для «Правды» на ужесточение позиции Запада после Вьетнама с акцентом на социал-демократию. Я сделал еще в прошлое воскресенье. Но он, как и следовало ожидать, положил под сукно. Пора бы уже привыкнуть, что его сверхактивность сразу затухает, когда от шума в наш адрес, приходится переходить к делу на уровне политики. И тут он сразу чувствует «пределы своей компетенции».

11-го июня состоялась «шестерка» соцстран в Волынском-I. О конференции компартий Европы и о положении в Португалии. Обсуждался и «французский казус», большинство было склонно приписывать причину «престижности», гонору французов. Однако, это на поверхности. На самом деле – за этим политика, которая в более резких и уверенных формах (чем у итальянцев, испанцев и многих других, имеющих реальные позиции в стране) все больше опирается на «не московскую» ориентацию, как главный фактор выживания и движения вперед. Вот буквально позавчера «Юманите» самым грубым образом отчитала поляков «за дифирамбы» в адрес Жискара д’Эстэна, который вот-вот должен приехать в Польшу: мол, мирное сосуществование не предусматривает в качестве обязательной нормы восхваление лидеров империализма, которые на самом деле ведут

лживую политику и каждый день занимаются антикоммунизмом, называя социалистические государства «фашистскими», «тоталитарными» и проч.

Обсудить Португалию предложил Аксен, еще когда приезжал отдельно. Б.Н. охотно согласился и произнес длинную поучающую речь. Однако, из выступлений Аксена, Телалова, Фрелека, Денеша выяснилось, что их страны и партии имеют более активные и действенные связи с Португалией и помогают ей не только относительно (своих размеров по сравнению с нашими), но и абсолютно гораздо больше нашего. Я написал записку Вадиму об этом, а он ее взял и передал Б.Н.'у. Тот грустно согласился.

Неделю или больше до этого он мне вдруг заявил (в связи с почестями, которыми удостаивались у нас во время официальных визитов в СССР Великий герцог Люксембургский Жан и элегантная Маргарита II Датская). «Черт-то кого принимаем и обхаживаем, а на Португалию, которая имеет колоссальное значение для всего нашего дела, никто как следует не хочет обращать внимания!»

Между прочим, Костиков, зав. сектором Польши в катушевском отделе, рассказал мне о встречах Герека с Пальме. Герек был в Швеции с официальным визитом. С Пальме они встретились один на один (оба превосходно знают французский язык). А потом Герек подробно рассказал Костикову о разговоре.

Герек: зная, что предстоит тема Португалии, я еще из самолета позвонил Брежневу. Л.И. ему сказал: Ты скажи, мол, ему (Куньялу), что мы не вмешиваемся и не будем вмешиваться, что мы сдерживаем коммунистов Португалии в их увлечениях социалистическими преобразованиями и в отношениях с другими партиями. Никакие нам базы в Португалии не нужны и мы не собираемся этим заниматься.

Обсуждали они и Чехословакию. Пальме будто бы был крайне удивлен, когда узнал, что Гусак был одним из руководителей словацкого восстания, а после войны сидел «за национализм» и в то время как Дубчек требовал «повесить всех таких, как Гусак». Пальме был убежден, что Гусак из сталинской школы Готвальда.

Я, кстати, во время «шестерки» был приставлен к полякам (Фрелек-Суйка). Несмотря на мою откровенность и открытость в обращении, обратной «ласки» я не получил. Загладин и Жилин (который обоих их знает меньше моего) пользовались у них на прощальном вечере гораздо большим расположением, не говоря о Шахназарове, который их «шеф» в отделе Катушева. Видно, я не располагаю к фамильярности, а значит и к «партийной душевности». И Фрелек, хотя он при том, что Секретарь ПОРП, еще и поэт, и сценарист, и художник больше (как и все) подвержен грубой лести.

Б.Н. мне сообщил, что когда Карпинского вызвали в КПК, он заявил: «Я не доставлю вам удовольствия разбирать меня. Я сам заявляю, что выхожу из этой партии».

Завалилась поездка делегации КПСС к лейбористам – то, с чем мы волынили два года, несмотря на настояния Хейворда. Причина очень простая: Суслов отнесся к этому плево, ему Пономарев нужен здесь, чтоб общаться с американскими сенаторами.

А Пономарев, хотя и понимает, что отказываясь от визита, мы заваливаем очень важный канал на Англию и на европейское социал-демократическое движение, списываем работу, которую сами же начали и за два с лишним года немало в нее вложили, - тем не менее не настаивает, уверенный, что Суслов его подозревает «просто в желании съездить в Англию». Таков уровень политических отношений между ними!

Хейворду и вообще всему левому крылу лейбористов, как и Вильсону и К°, конечно, и в голову не придет искать объяснения отказа в таких «простых вещах». Они будут думать о повороте в нашей политике по отношению к лейбористскому движению и к социал-демократии вообще, а может – и к Англии.

Грустно еще и потому, что помимо Пономарева (и еще, может быть, самого Суслова) некому во всем ЦК возглавить такую делегацию. Ибо там надо сходу говорить о самых разных вопросах, надо их знать и уметь этим знанием распорядиться в полемике с острыми и злыми

англичанами. А по заготовленным в Москве бумажкам, как этого потребовал, например, Капитонов, такую полемику вести нельзя – это значило бы поднять на смех всю нашу партию.

Беседа моя с Моррисом (зам. Гэс Холла). Казус с избирательной речью Андропова – «Нью-Йорк таймс» спекульнула на одной фразе из его речи: мол, при всей американской демократии безработные сколько угодно могут протестовать у Белого Дома, но от этого ничего не изменится. Гэс Холл взбесился и потребовал от ЦК объяснений: мол, как так, - мы тут боремся, жертвуем собой, в нас даже стреляют во время таких демонстраций, а с вашей точки зрения все это – пустое занятие, которое ничего не стоит и ничего не дает! Что же, мол, нам сидеть и ждать революции, социализма?

Б.Н., потом и я долго объясняли Моррису, но все же пришлось послать Холлу и письменное объяснение, подготовленное самими андроповцами с его ведома.

Моррис, а до него Каштан и Уоддис во время визита сюда официально протестовали против статьи некоего Дм. Жукова в «Огоньке» в октябре 1974 года – как явно антисемитской. Уоддис даже встречался с Сафоновым, редактором «Огонька». Тот признал, что статья плохая и что Жуков «подвел» и что его даже не приняли «за это» в Союз журналистов.

Я тоже всем говорил, что статья плохая, «не отражает» и проч. Они мне: хорошо, но ведь никто, кроме нас с вами, не знает этой вашей оценки, а статью Жукова буржуазная печать разнесла по всему миру.

В этом духе я доложил и Пономареву. Он велел «вместе с агитпромом» принять меры по этому случаю. Буду принимать, но уверен, что о том, что статья Жукова антисемитская, останется «между нами» с Моррисом, Уоддисом, Каштаном и еще председателем компартии Израиля Вильнером (который на недавнем приеме у Б.Н.'а также резко протестовал против нее).

<u>29 июня 75 г.</u>

Съездил в Будапешт. Опять жили на правительственной горе. Спал в постели, в которой до меня почивали Елизавета II, Брежнев и т.п. Венгры шутили: белье-де мы с тех пор заменили.

«Шестерка» - болгары, венгры, ГДР'овцы, поляки, чехи и я. Международные замы. Повестка: что делать с социал-демократией; о Португалии; об антикоммунизме.

Непривычная мне роль запевалы всех обсуждений (я ведь был на этот раз «КПСС»). Все, кроме самих хозяев, подстраивались под меня и молчали, если я скромничал и хотел выступать «потом». Венгры упрямились (хотя с ними еще до начала договаривался), навязывали свои иллюзорные, максималистские планы. Я их все время деликатно спускал на земь.

Вернулся 18-го июня. Б.Н. через пару дней после моего возвращения уехал с делегацией в Сирию, забрав с собой нового нашего зама – Румянцева, который «прошел» через Суслова, а Брутенц не прошел.

А мне было оставлено писать очередной доклад для Б.Н. по случаю 40-летия VII Конгресса Коминтерна! Я уже целый год борюсь с этим юбилеем.

Но против второй волны, поднятой Тимофеевым ради саморекламы, я устоять не мог. Хотя дважды довольно грубо доказывал Пономареву несвоевременность и нелепость этого юбилея – размахивания коминтерновскими флажками в момент, когда заходит в тупик европейская конференция компартий (и именно из-за подозрений в адрес КПСС насчет гегемонии), а югославы прямо говорят и пишут о ностальгии у некоторых по Коминтерну.

И вот вновь я мучаюсь, пережевывая ассоциации и аллюзии насчет идей VII Конгресса и современности. За 12 лет я написал ему примерно пять статей и докладов о Димитрове и три-четыре доклада и статьи по Коминтерну, в том числе к 30-летию VII Конгресса, т.е. все о том же, только все с новой конъюнктурщиной.

У Б.Н.'а безусловно «графомания» на выступления. Сейчас он бьет все рекорды: выступает по 3-4 раза в месяц. Помимо его претензии на «теоретика партии», т.е. мелкого тщеславия, есть у него, по-видимому, и политическая идея.

Он моден в антикоммунистической литературе. За его выступлениями следят и комментируют в том духе, что вот он-то, мол, и отражает истинные, скрытые планы и намерения Кремля – использовать разрядку для подрыва Запада, для экспорта революции или по крайней мере поощрения на революцию в капиталистических странах. О нем есть специальные статьи, где его изображают в качестве тайного лидера комдвижения, инспиратора коммунистической деятельности и пропаганды, организатора финансовой и другой помощи компартиям. Он все это, естественно, знает. Знает, что его противопоставляют Брежневу, которого считают искренним сторонником мира, ведущим честную игру. Б.Н. знает, конечно, что Брежнев тоже в курсе о том, как на Западе представляют Пономарева. Но пока все обходилось.

Совсем недавно дело дошло до большой провокации и ТАСС даже выступило вчера с опровержением.

Французская «Котидьен де Пари» напечатала «Письмо Пономарева», в котором якобы содержатся директивы компартиям, как им захватывать власть в обстановке кризиса. «Документ» этот получен был газетой от португальских социалистов. Шум сейчас идет все европейский. Компартии одна за другой выступают с гневными опровержениями. Леруа и другие явились в редакцию «Котидьен де Пари» и потребовали показать подлинник. (Кстати, очень характерно для современной обстановки в комдвижении – пуще всего боятся быть заподозренными в получении директив от Кремля). Португальская КП выступила с разоблачением. Смысл всей этой кампании ясен как божий день – запугивание коммунизмом (московским) из-за Португалии, победы ИКП на выборах (33 % голосов) и других симптомов колебания маятника влево в связи с кризисом.

Никакого, конечно, письма не было и быть не могло. Но провокация имеет вполне «материальную» основу. (Организовали ее работники португальской газеты «Република» - это нам сообщили шифрограммой ЦК ПКП. «Котидьен де Пари» лишь перепечатала сделанный ими материал). А сделан он был путем выдирок из речей и статей Пономарева, в том числе и в первую очередь на Консультативной встрече в Варшаве и на Подготовительной встрече в Будапеште. Препарировано, конечно, в стилистике советологов. Просто оголен смысл (надо использовать кризис для свержения капитализма) и придан тон директивы – циркулярного письма.

Между прочим, Б.Н. должен был 6-го июля по приглашению Куньяла ехать с делегацией КПСС в Португалию. Теперь той же шифрограммой они просят не приезжать – мол, будет «неправильно понято», могут быть провокации и т.п. Однако Б.Н., как я его наблюдаю, превосходно себя чувствует. Не исключено, что ему даже нравится эта роль – «серого величества» комдвижения, «последовательного революционера», «ленинца», «борца против империализма». Возможно, он с этой «славой» связывает свое ближайшее и посмертное будущее.

Если это предположение верно, тогда понятно, почему он готов опять юбилейничать по поводу Коминтерна.

История с публикацией Декларации Гаванской конференции. «Правда», когда я был в Будапеште, опубликовала «изложение» ТАСС на двух страницах, в которых содержалась лишь то, что мы навязали кубинцам (Шахназаров и я – на Кубе, через Арисменди): сильнее сказать о роли СССР, позвать на конференцию китайцев, призвать к международному Совещанию и т.п. Кубинцы были в бешенстве.

Решили срочно публиковать Декларацию в «Коммунисте». Но как? В ней три печатных листа. Это раз. Во-вторых, она там «поименно» обругивает Форда. Несмотря на это (а может быть, не прочитав) Шапошников, который ведет Латинскую Америку, внес записку, чтоб публиковать полностью. Б.Н. еще до Сирии ее визировал, но попросил показать мне до отсылки в ЦК. Я воспротивился.

Суслов (главным образом потому, что такой объем все равно невозможно напечатать в «Коммунисте») согласился на «изложение». Я сделал сокращение на 1/5 и, естественно, выбросил о Форде. Когда Б.Н. вернулся, в «Коммунисте» уже готова была сверка. Он вызвал нас с Шапошниковым. Тот настаивал на своем (публиковать полностью, так как кубинцы нам этого не забудут). Я стоял на своем. (У нас своя политика, мы серьезные люди и разрядка зависит не от кубинцев и т.п.) Б.Н. явно был на стороне Шапошникова, но не решился ломать сделанное в «Коммунисте», так как за этим стояло уже согласие Суслова.

Столкновение с Шахназаровым по поводу статьи в «Правде» об этой же Декларации. Вопиющая безграмотность и безответственность правдистов и Дарусенкова (зав. сектором у Шахназарова), которые сочинили эту статью. Скандально. Кричал на Шаха в трубку.

<u>4 июля 75 г.</u>

На перформанс в Колонный зал, где Суслов и Б.Н. будут выступать, приглашены 50 отдыхающих в Москве в данный момент лидеров и членов ЦК из разных компартий. Жалею, что не воспротивился: это же - демонстрация, на фоне «Письма Пономарева» и проч. Инициатором был Федосеев, получил согласие у Суслова, а замороченный Пономарев отмахнулся. А у меня не было сил что-либо предпринимать.

Опять мир обратит внимание на контраст Суслов-Б.Н., с одной стороны, Брежнев-Брандт, с другой. Сейчас Брандт с визитом по приглашению Генерального Секретаря ЦК КПСС. И вчера на обеде они обменялись речами. Речь Брежнева и по стилю, и по духу (а я видел ее еще в рассылке) категорически отличается от потуг Пономарева выглядеть «принципиальным борцом за идеалы».

Меня не покидает подозрение, что он сознательно действует в этом направлении, давит на братские партии: вот, мол, я таков и вам придется с этим считаться. Однако, осторожничает. Шумел по поводу публикации Гаванской Декларации: чего нам бояться, вон кубинцы под боком у главного империализма и не боятся. (Это в связи с оскорбительными для Форда пассажами в тексте, за изъятие которых я стоял).А тут, в докладе, в последний момент, снял даже отдаленный намек на Форда и Киссинджера (по поводу их заявлений, что США должны быть сильнее всех, и СССР в первую очередь), и везде заменил «социализм» на «социальный прогресс». Согласился со мной, что не след ему сейчас вылезать с темой о вхождении коммунистов в правительство, и вычеркнул соответствующие страницы, которые заставил нас сочинить (это у него была одна из главных идей, когда он «планировал» доклад).

<u>6 июля 75 г.</u>

В субботу не пошел на работу. Плохо себя чувствовал.

Занялся альбомом «Мир искусства». Вышел недавно, великолепные иллюстрации и вдохновенное предисловие страниц на сто, какое, пожалуй, еще пять лет назад было бы невозможно. Помимо подлинного наслаждения, опять чувство горечи и досады. Десятилетия гонений на величайшие художественные открытия российского гения: Сомов, Бенуа, Добужинский, Бакст, Головин, Кустодиев, Остроумова-Лебедева… Или задавленность, например, Лансаре, который в 1948 году за псевдорусские поделки на станции метро «Комсомольская» даже лауреатом сталинской премии был удостоен. А на Машкова, Ларионова, Гончарову до сих пор запрет.

И что это давало идеологически (в подлинном смысле)? Размножение вульгарности и утверждение прав глупости (в социальном смысле), которые и сейчас, «когда надо», торжествуют без всяких аргументов и объяснений (случай с Неизвестным).

И вот теперь издают роскошный альбом с вполне объективным и разумным введением, где объясняется, что они, эти «мир искусники» значили тогда, сейчас и в будущем.

Или: в пятницу зашел на Кузнецкий мост в выставочный зал Союза художников. Посетителей – ни души. Выставлено несколько современных художников, по-видимому,

молодых. В манере «модерн» там и от «мир искусства» есть , и от Петрова-Водкина, и от Леже, и от Пикассо, и прежде всего от наших 20-ых годов. Но все это даже на взгляд неспециалиста – явное эпигонство: нет ни поиска нового содержания = реакция на официальную тематику нашего времени, а форма своей подражательностью, иногда прямо наивной, вызывает скорее не раздражение, а улыбку.

Это, между прочим, один из итогов культурной политики эпохи Сталина и потом его наследников из Союза художников, министерства культуры, Демичева и Фурцевой с их аппаратом. И еще одна грустная улыбка возникает, когда смотришь на такую выставку. Выставки в подобной модерн-манере сейчас рядовое явление. На них и не ходят, если не какой-нибудь знаменитый художник. А ведь всего 3-5 лет назад появление нескольких подобных картин было сенсацией и предметом беспощадной ругани в «руководящих искусством» учреждениях. Летели партбилеты, портились биографии, люди лишались мест, средств, репутации. Зачем все это? Какой смысл был всего этого эразмового иконоборчества?

То есть так называемые абстракционисты, которые с прошлой осени сначала нелегально, а потом полулегально, а теперь за границей, выставляют свои сочинения, - это, пожалуй, еще хуже, - там просто вульгарная претензия на протест в искусстве, но самим искусством и не пахнет.

А общий и главный итог культурной политики – полный разрыв профессионального таланта (именно таланта, а не профессии и самодеятельности) со средой, с материей, которую надо изображать в соответствующих формах. Отсюда и отсутствие генерального развития искусства, хотя бывают индивидуальные удачи, которые ничего не продвигают вперед.

Сегодня вышла, наконец, в «Правде» редакционная статья о Латиноамериканской конференции компартий со всей моей правкой.

Поразительный парадокс образуется современной международной жизни. Брежнев встречается с Брандтом. Оба подчеркивают, что «у нас разные идеологии», которые несовместимы, и их не надо смешивать. И оба говорят о разуме, который должен торжествовать в отношениях между странами и народами. Ибо альтернатива – ядерная катастрофа, во всяком случае, человеческие проблемы (экономическое сотрудничество, разделение труда, энергии, сырья, голода, бедности и проч.) не могут быть решены. Но самый элементарный вопрос, который из этого возникает, таков: зачем нужны идеологии, если они не позволяют решать вопросы жизни, а, наоборот, грозят только бедствиями, т.е. противоречат разуму, каким он выглядит в XX веке?!

Действительно, всемирная история развивалась в борьбе идеологий (со всеми чудовищными, кровавыми последствиями этого). Но, очевидно, как логика совершенствования оружия приводит к невозможности его использовать даже для развития общества, так и логика борьбы идеологий становится бессмысленной и античеловеческой в современных условиях. Этого, конечно, не отменишь. Но тот самый здравый смысл, с помощью которого мы начали действовать в международных делах, ставит эти наивные «детские» проблемы.

<u>13 июля 75 г.</u>

Через пару часов уезжаю на Рижское взморье. Пансионат «Янтарь»,где-то рядом с Кемери, который я отвоевывал осенью 1944 года. Латыши говорят, что это самое комфортабельное место в Советском Союзе среди курортных спецдач.

А Б.Н.?! И на этот раз он оказался прав. Доклад о VII Конгрессе прошел великолепно. Суслов хвалил, подгорный даже на ПБ чего-то доброжелательное буркнул. Б.Н. в эйфории. Сгладил еще углы перед публикацией. (Молнией прошла публикация доклада в «Партийной жизни» и будет дано в «Коммунисте»). И мировая печать вновь о нем заговорила, на этот раз как о рупоре примирения Кремля с социал-демократами.

Кстати, в эти дни Брежнев затащил Брандта на сессию Верховного Совета и депутаты встретили его бурными аплодисментами. Вот где знамение времени-то! Вот как Брежнев

решает извечную проблему раскола рабочего движения и проч., с этим связанное. Через здравый смысл, через человеческие отношения, через «комплекс доверия».

В этом же смысле весьма симптоматичен роман Бондарева в «нашем современнике» – «Берег». Он безусловно талантливо сделан. Но не в этом дело. Бондарев ходит уже в ортодоксах и, пожалуй, в первой пятерке действительно и официально авторитетных писателей, т.е. тех, кому отдел культуры ЦК уже не указ. И вот он так копнул человеческий материал, который обеспечил тогда победу, с таким пренебрежением к устоявшимся правилам игры и идеологическим табу, что диву даешься. И второй план – дискуссия с современными немцами: это тоже (как и с Брандтом) разговор на человеческом современном языке здравого смысла, а не спор подставных фигур, представляющих два мира. Очень симптоматично все! Мирное сосуществование втягивает нас в какой-то совершенно иной климат, где привычные понятия обретают новый вид, а застарелые штампы вдруг очищаются от коросты и предстают в своем первоначальном облике – простых и хороших идей.

Б.Н. после своего доклада активизировался по части подготовки материалов к XXV съезду. Из-за этого чуть не сорвал мне отпуск. Организовал группу во главе с Брутенцом. Сам хлопотал о «теоретической даче» и добился таки от Управления делами, что нам дали Ново-Огарево – место, где перед XXIV съездом родилась и идея о «Программе мира» и сама она была сформулирована. Группа уже выехала туда. По возвращении из Латвии я тоже там засяду. Подготовительные работы могут быть интересными. Особенно надо попытаться отразить «новую реальность» комдвижения. Жизнь уже сейчас обгоняет наши клише. А за пять последующих лет многое произойдет – и все в том же направлении – полного обновления МКД. И если нельзя будет дать откровенную оценку новой его реальности, то хотя бы с помощью словесности открыть щели, чтоб потом через них и здесь пробивался здравый смысл.

Увлекательно: как отложится в Отчете съезду вся новая мировая обстановка, что будем говорить об империализме, капиталистической системе, «национально-освободительном (от кого) движении»? Надо только сначала развернуться мыслью, а потом уже клеить слова. Надо сделать такой прорыв в новое осмысление происходящего, чтобы потом ни Б.Н., ни «Тирешка» (Александров-Агентов) не смогли вымарать все и чтобы что-то осталось, помимо неизбежных банальностей.

Интересное будет дело.

Не успел проглядеть материалы, которые представили Институты АН для нас в связи с XXV съездом. Любопытно, они чего-нибудь нащупывают и осмелятся ли говорить что-то новое по существу, а не по мелочам?

1 августа 75 г.

С 14 по 28 июля был в пансионате «Янтарь», в Юрмале. По существу – госдача. Там в это время пребывал Гришин (член ПБ и секретарь МГК). Дом построен в 1974 году, модерн, царственный комфорт, стоил, говорят, 8 млн. (планировалось построить за два млн.) Латышский персонал: неулыбчивая четкость, предупредительность почти незаметная и без российского подхалимажа.

Наш особняк в центре Майори торчал , как роскошный обелиск привилегиям и власти. Толпы прохожих останавливались и простодушно любопытствовали, что это такое и в их взглядах: «баре развлекаются»…

Вечером пляж и улицы превращаются в проспекты мод и туалетов. Но наряду с профессиональными курортниками много и российских провинциалов, целыми группами, экскурсиями.

На пляже несколько раз встречался с Ю.П. Любимовым. Он отдыхал в Доме писателей в Дубултах, в двух километрах от нашего «Янтаря». В весьма бравурном настроении. Завидев меня, бросал свое окружение и водил меня до изнеможения, рассказывая о своей борьбе с властями – с Демичевым (которого он называет «Ниловной» - Петр Нилыч –

ерническое уподобление героине известного всем со школы романа Горького «Мать»). Орал на весь пляж, что это сволочь и подонок, что он, Любимов, так это не оставит! Хватит! Поизмывались! Пусть гонят из театра, но больше это не пройдет. Вот он вернется и напишет «на высочайшее имя». А дело в том, что, став министром культуры, Демичев, наконец, сподобился посетить Таганку. Был на просмотре многострадального «Кузькина» по Можаеву. Сказал, что «разрешает», прислал своих людей с замечаниями, по которым Любимов два месяца исправлял пьесу. А когда она была вновь готова, явился демичевский аппарат на новый просмотр и потом, ни на кого не ссылаясь, «запретил». Любимов, впрочем, узнал, что министр, явившись в свой кабинет на утро после посещения Таганки, заявил своим подчиненным : «Это не пройдет!».

Вот Любимов и беснуется: что же это за министр? Говорит одним одно, другое – другим, а делает наоборот.

Иногда он вдруг останавливался и, собирая сразу вокруг зевак, артистически изображал какую-нибудь бюрократическую сцену в лицах. Особенно это ему удавалось, когда одним из действующих лиц была «Катька» (Фурцева).

Дважды был в Домском соборе. «Реквием» Моцарта и Бах. Скрипка и соната для скрипки с органом. Я по настоящему был восхищен.

Был на экскурсиях по Риге и ее окрестностях.

Съездил по местам своих последних боев – в Слоку, в Кемери.

В Кемери постоял я возле знаменитого санатория, который был цел, когда мы вошли в город, но у него были выбиты все стекла и вокруг здания на несколько десятков метров все было покрыто битым стеклом. Потом доехали до Джукте, который мы в январе 1945 года так и не смогли взять и откуда немец пошел на нас в контратаку. Тогда я был ранен в хуторке Путну-Жиды, в трех километрах от Джукстe. Помню передовую, которая начиналась прямо на опушке, где в 50 метрах на хуторе сидели немцы. И никак мы оттуда не могли выкурить, а их пулемет заставлял нас все время ползать по пластунски.

Километров через пять доехали и до самой последней моей передовой. Хуторка, где стоял штаб в полутора километров от окопов, я не нашел. Все заросло. Но рощицу, где мы со 2-го по 5-ое мая 45 года на нейтральной полосе по ночам копали исходные позиции для дивизии, которая должна была сменить наш полк и пойти в наступление, кажется, обнаружил отчетливо. Мостик, речушка и уж очень характерный изгиб опушки. Здесь 30 лет и два месяца назад я руководил последним своим «делом», здесь отбивались от немецких вылазок, которые хотели нам помешать закрепляться, запугать. Здесь в упор из автомата был убит старшина, шедший впереди меня, когда мы бросились к недавно вырытому окопу: мне сообщили, что его, только мы ушли, заняли немцы. Здесь я чуть было не подорвался на шариковой мине и весь похолодел, когда почувствовал под руками проволоку – растяжку взрывателя. Здесь нас бешено глушили минометами и секли рощу из пулеметов, почти на протяжении всей темноты, пока мы с рассветом не убрались за свою передовую. Отсюда мы каждую ночь на плащ-палатках несли по три, четыре, а то и по десятку раненых и убитых. После этих ночей инженер полка, капитан, который очень трусил, но держался, сказал прямо в моем присутствии Бамбалю (командир нашего полка): «Ну, товарищ подполковник, у нашего капитана (это про меня) железная храбрость и невозмутимость. С таким спокойствием он там ходил, пока мы копали землю, что до сих пор не перестаю удивляться. Без него все бы разбежались из этой жути…»

Еще до этого там однажды ночью, после ругани чуть не до пистолетов с много орденоносным комбатом-грузином, который отказался отправить своего зама в поиск, я сам повел поисковую группу за «языком». Пять человек, я – шестой. Но до немецкой передовой мы не доползли, нас обнаружили, засветили ракетами и открыли бешенную пулеметную стрельбу. Еле выбрались оттуда.

Помню также, именно здесь жуткое ощущение: когда бывало проверяешь ночные посты в окопах, стоишь возле солдата и вдруг выстрел с немецкой стороны. И если стреляют прямо в твоем направлении, хотя, конечно, вслепую, потому что ночью не видно

высунувшихся из окопов, - выстрел бывает очень громким из винтовки, как мелкокалиберного орудия, и яркий свет от выстрела. Да и в самом деле – ведь почти в упор: наши линии окопов в некоторых местах были от немецких на расстоянии 100-150 метров.

Помню, что именно здесь, раз проснувшись утром в своем штабе, я увидел перед собой на табурете немца. И опешил. Оказалось, это разведчики «языка» только что притащили.

Вернулись из Тукумса по превосходному шоссе, достойному Швейцарии и Бельгии.

Странно все. И даже как-то неловко было за ужином говорить соседям по столу, куда и зачем я ездил. Все это – мое личное военное прошлое и мои переживания по нем. Выглядел бы хвастуном.

4 августа 75 г.

Последний день отпуска. Займусь сегодня Введением к многотомнику. Перед отъездом в Ригу я оставил Б.Н.'у новый вариант, в котором учел его июньские замечания. Их смысл: мы теперь перегнули влево. Со стороны Б.Н. это новое. Думаю, на него действует ветер перемен, а скорее обстановка в верхах – Брандт, разрядка и проч. Тогда в июне он очень упрекал меня за то, что нет его главной идеи – о двух путях рабочего движения: революционном, который привел к таким (!) победам, и реформистском, который привел «ясно к чему». Я это быстро исполнил, пользуясь разработкой, которую мы с Вебером сочинили лет пять уж как, в виде большой брошюры. Прочтя, он испугался излишней «революционности», такого поношения реформистского пути, по которому идет, кстати, большинство рабочего класса в капиталистическом мире и который исключает перспективу единства. Теперь надо сделать «несколько наоборот».

Европейская конференция коммунистов! (о которой я не раз упоминаю). Я не говорил с Загладиным, который в середине июля вновь ездил в Берлин на Рабочую группу. Не знаю, что там было. Но помимо противоречий, которые обнажили французы и о которых я ранее писал, сейчас обнаруживается более общее и серьезное обстоятельство. После Хельсинки (что является действительно эпохальным событием и в социальном смысле, я в этом убежден) просто нелепо и глупо заниматься коммунистическими инициативами, вроде упомянутой конференции. О чем там будут говорить, к чему звать? И зачем все это? Ясно, что мировая политика делается теперь совсем иначе: не на путях конфронтации и выжимания, а комдвижение по своей сути предназначено именно для таких методов, для методов непримиримой и бескомпромиссной борьбы с противником. С кем же должна призывать на борьбу нынешняя европейская конференция коммунистов? С крайними, беснующимися, с которыми не делают политики и не будут допущены к большой политике в решающих ее пунктах? Но тогда комдвижение сходит с магистрали истории и обрекает себя на роль подчищала на флангах. Оно не согласится публично продемонстрировать переход в это качество. Зачем же собираться?!

Завтра поеду в Ново-Огарево, где уже сидит группа по подготовке материалов съезда.

Да и к материалам съезда нужны новые идеи. Бессмысленно строить их как продолжение XXIV съезда и всех предшествующих. Даже сама структура доклада Генсека (идущая от Сталина) теперь выглядит анахронизмом. Да, видимо, мы вступаем в очередной этап «ревизионизма». И он неизбежен, он уже грядет – через итальянцев, через мирное сосуществование, через объятия с Брандтом и т.п. Т.е. обусловлен объективными обстоятельствами современности. Нужны новые идеи. Глубокие, коренные перемены в подходе к решающим идеям марксизма-ленинизма. Нужны повороты масштаба, равного созданию большевизма, НЭП'у. Иначе наша теория совсем потеряет всякий смысл. Нужны такие идеи, которые вызовут всеобщий афронт служителей идеологии, как это было и с НЭП'ом и с XX съездом. И нужен крупный авторитет. Чтобы справиться с этим афронтом. Пока что авторитет Брежнева (хотя уже и сам он, физически резко сдавший) еще в состоянии, кажется, обеспечить такой поворот.

Попробуем что-нибудь придумать в Ново-Огареве. Интересно, ребята там думают в этом направлении или обкатывают давно заасфальтированные магистрали?

10 августа 75 г.

Выехал в Ново-Огарево. Принял бразды от Брутенца. Прочитал, что они сочинили. Не шибко. Когда полистал академические материалы, понял, что наши схалтурили в основном, так как даже в этих материалах – лучше и интереснее, чем у спичрайтеров. Опять старая проблема – особых усилий, как я понял по обстановке, не прикладывали и уж во всяком случае не выкладывались.

Но дело не в этом. В тот же день, когда я им сказал все, что я о них думаю и предложил, как дальше работать, стало известно, что на эту дачу решением Брежнева и ПБ едет другая группа во главе с Александровым-Агентовым. Оказалось, что и Пономарев в курсе. Ему сделали уступку – включили в эту группу меня и Брутенца, остальных пришлось в этот же вечер эвакуировать.

Как и следовало ожидать, наш текст был «игнорирован». Правда, соблаговолили принять во внимание при первом обсуждении, как будем строить мост, наш план, на котором строился этот текст. Александров-Агентов, конечно, отвел концепцию плана (вперед выдвинуть действительно видные всему миру наши международные достижения) и предложил пойти по традиционному пути: социалистическая система, кризис капитализма и т.д.

В группе помимо Александрова-Агентова, Черняева и Брутенца были еще Ковалев (зам. министра), Блатов (помощник Брежнева), Загладин и Шишлин.

При первой же дискуссии произошел «музыкальный момент»: схлестнулись Александров-Агентов с одной стороны, Ковалев и Блатов – с другой. Остальные наблюдали этот цирк. Ковалев поставил вопрос о целесообразности дать на съезде новую формулу мирного сосуществования, чтобы она не отпугивала партнеров, поскольку то и дело мы напоминаем о том, что это особая форма классовой борьбы на международной арене.

Александров-Агентов набросился на него с истерической яростью (ему плевать, что этого человека теперь знает весь мир, что он проделал за два года в Женеве действительно гигантскую работу в связи с Хельсинским Совещанием). Обвинил его в оппортунизме, в отказе от Программы партии, в пацифизме, либерализме. Толя спокойно возражал. Вступился Блатов. И тут началась настоящая истерика: раз так, мы с вами Анатолий Иванович (Блатов) работать вместе не сможем!

Для нас этот спор показался нелепостью и примитивом по существу. А по форме – он очень симптоматичен. Нетерпимость и фанатичное самомнение Александрова-Агентова дорого ему обойдется потом!..

Пока же было так: после дискуссии Александров-Агентов, конечно, взялся один составлять проект. Весь вечер и утро он диктовал. Поразительная работоспособность, но проект, созданный таким образом – банальность, без всякой попытки сказать новое слово, а главное – это проект выступления министра иностранных дел перед дипломатами, а не Генерального Секретаря ЦК КПСС с Отчетным докладом съезду партии.

17 августа 75 г.

Прошла неделя под водительством Александрова-Агентова. Впечатления от него самого: ханжество, болезненное самомнение, сочетание внешней интеллигентности и джентльменства с женщинами с внутренним хамством и истерической грубостью.

В итоге расклад работ был такой: Шишлин и Блатов – социализм, Карэн – третий мир, я – кризис капитализма, рабочее движение, комдвижение, общий революционный процесс. Трехслойный пирог, как определил сам Александров-Агентов.

Сам он взял на себя всю внешнюю политику, но писать не начал, ждет варианта от Громыко, которому Политбюро, как мне Пономарев объяснил, поручило представить этот вариант к 1 августа, но тот и в ус не дует, хотя его ребята текст уже сочинили.

Мы же свои разделы написали. Я сидел как проклятый, вылизывая каждую фразу и стараясь максимально использовать новые формулы и мысли из материалов институтов.

Обсуждали эти предварительные варианты утром в субботу, сидя на солнышке, первый теплый день после недельного холода.

Блатов обвинил нас с Карэном в академизме. Но Александров-Агентов, поскольку он уже частично считал себя ангажированным с текстами, бросился защищать, окрысившись на Блатова Тем самым было спасено все остальное.

На предстоящей неделе будем доканчивать свои куски.

Б.Н., вернувшись из Крыма, где был у Брежнева вместе с американскими конгрессменами, опять начал мучить меня с «Введением» к многотомнику о рабочем движении. Все боится. Рано, мол, сдавать в издательство (а том I уже набран), Бог его знает, что там написано, судя по тому, что «Введение» уже пятый раз приходится переделывать. Я возразил: не знаю насчет Бога, но я лично знаю, что и как написано, потому что дважды читал и редактировал этот том.

<u>23 августа 75 г.</u>

Еще одна неделя в Ново-Огарево. К удивлению нас с Брутенцем отношения с «Воробьем» (Александров-Агентов) вполне нормальны. Бытовое общение (за столом, купанье, анекдоты, разговоры на «посторонние темы», о литературе и т.п., а он любит похвалиться своей образованностью и знанием всяких стихов от Д. Бедного до Гете и Киплинга) проходит во вполне «товарищеской обстановке». А деловое общение – еще того лучше.

В среду обсуждались вторые варианты разделов и, неожиданно для меня, и он, и Блатов начали расхваливать мой раздел. Брутенц из этого умозаключил, что по каким-то мотивам Александров-Агентов хочет сделать из меня альтернативу Загладину (возможно, ревнует – после публичного заявления Брежнева, что, мол, пока материал не пройдет через Загладина, он не чувствует себя уверенным).

Во всяком случае, на этот раз работать с Александровым не только сравнительно покойно, но в этом человекосочетании – интересно. Я по крайней мере пока с увлечением работаю над своими кусками.

Только вчера получили раздел о внешней политике, написанный в МИД'е Адамишиным и правленый Громыко. Получен он от Брежнева с Юга, который, видно, его смотрел и очень не хотел отдавать, боясь обидеть Громыку. Вообще у Александрова ощущение (он делился с Брутенцем), что Громыко сильно изменился и возымел силу (у Брежнева), которой пользуется бесцеремонно и грубо. Оказывается для Хельсинки были подготовлены две речи – Громыкой и группой Александрова. Андрей Михайлович, естественно, считает, что его вариант был лучше (и, наверно, так оно и было). Но Громыко устроил истерику и Брежнев сказал: «Ладно, не ссорьтесь, прочту мидовский, какая разница!»

Мы с Карэном напросились навестить Пономарева в больнице, где он проводил предотпускное обследование. Рассказали о ходе дел и об отношениях с Александровым. Встретил он нас «испугом» – не напросились ли мы к нему, потому что оказались в конфликте с Александровым. Успокоился, но насторожился в обратном плане: не слишком ли мы поддались влиянию Александрова и не готовы ли уже мы во всем уступить… и по принципиальным вопросам. Потом давал советы= «мысли» для Отчетного доклада. При всем его политическом здравом смысле и информированности, он ретроград. О комдвижении он мыслит полицейскими категориями, а о борьбе за мир категориями Гречко – с позиции силы. И если Брежнев, отдавая дань этой нашей «исторической традиции», фактически давно уже отошел от концепции – «как бы похитрее объегорить империалистов», то Пономарев железно

стоит именно на этой позиции. И недаром антикоммунистическая пропаганда расставила их в разные «лагери» в Кремлевском соотношении сил.

Б.Н. неожиданно сходил в спальню и принес Твардовского «За далью даль» и начал вслух читать нам главу о Сталине. Читал долго с выражением и комментариями. Одобряя одно и негодуя по поводу того, что Твардовский допускает виновность народа в том, что он имел такого вождя. Это была «сцена, достойная кисти Айвазовского». Мы вновь увидели перед собой человека, целиком сотканного из кусочков истории партии и пропитанного духом ее почти неправдоподобной по контрастам и несовместимости судьбы и деятельности.

В Португалии плохо. Б.Н. считает, что дело кончится Соарешом, что нет сил для фашистского режима. Не знаю, не знаю! Дай Бог! Но коммунисты переиграли, хотя может быть и не они главная причина. Однако, эволюция чудовищная от встречи Куньяла по образцу «возвращение Ленина в Петроград» до нынешних осад помещений, где он выступает с речами, погромов и поджогов штаб-квартиры ПКП. Какая-то, видимо, общая антикоммунистическая тенденция пробивается везде – на почве сепарирования КПСС как фактора мира и неприемлемости ее как образца.

31 августа 75 г.

Еще одна неделя в Ново-Огарево. Дотачивали каждый свой раздел. Когда сложили, получилось 75 страниц. А надо около 40.

Вчера Брежнев вернулся из Крыма в Москву. Возможно это как-то отразится на нашей дальнейшей деятельности в Ново-Огарево. Кириленко же сказал Александрову: «Не торопитесь, хотя срок и 1 сентября, спешка во вред качеству, посидите еще недельку».

Александров выходил и на Суслова, который тоже недавно вернулся из отпуска. Сказал, что план наш ему понравился. Но, мол, посильнее нажимайте на империализм. Мы, говорит, сдерживались до Хельсинки, а теперь у нас руки более свободны. И Чили, и Португалию, и Вьетнам ему припомните.

Любопытно, есть у нас общая пропагандистская линия или кто во что горазд? Скорее последнее (конечно, применительно к личным симпатиям и страхам за кресло). Ведь никто на авторитетном уровне не думает и не руководит систематически нашей идеологической деятельностью. Так – от случая к случаю, отбрехиваемся, как правило, с опозданием и без расчета хотя бы на два хода вперед.

6 сентября 75 г.

Вчера закончилось сидение в Ново-Огарево. Неделя состояла из вылизывания текста, мелких взаимных придирок. Теперь по решению Политбюро это должно пойти Суслову и Кириленко, а они уже решат, давать ли, например, еще Пономареву и Катушеву или еще кому-нибудь.

Больше всего придирок было к разделу о соцстранах по причине, что там вообще-то нечего писать, все мифология, но надо, чтоб все было внушительно и красиво, потому что «это главное». Затем шел мой кусок о кризисе капитализма (вмонтирован в раздел Александрова о нашей внешней политике). «Сомнения» рождались каждый раз, потому что оппоненты поразительно в этом несведущи и ссылаются на то, что оратор и вообще «первые читатели» тем более не разбираются «в разных там теориях». Теорий я там никаких особенных не подпускал, но хотел-таки элементарно хотя бы систематизировать особенности нынешнего состояния.

По «нелюбви к теории» (о которых писал Ленин) мы давно уж превзошли, по-моему, все партии МКД - по отсутствию всякого вкуса к теории, выходящей за рамки пропаганды. Так что наша наука о капитализме, которая сравнительно высоко стоит сейчас, например, в институте Иноземцева и в его продукции, совершенно никак не «зацепляется» с политикой и с

этой точкой зрения (т.е. с точки зрения политической теории) абсолютно не используется и никому не нужна.

Теперь уже сложилось такое положение, что не только основные лидеры КПСС десятилетиями не держали в руках книжку Ленина (о Марксе и думать нечего), но и их весьма образованные помощники его не знают и знать не хотят.

11 сентября 75 г.

Идет неделя на работе. Много читаю про социал-демократию и про Португалию. Загладин, посланный туда со специальной миссией, прислал три телеграммы. Его задача (директивы ЦК) была в том, чтоб «подсказать» Куньялу не «левить», остановиться, может быть даже отступить, чтоб собраться с силами. Курс на выход к власти через военных провалился. По-видимому, ленинская тактика оказалась без каких-то существенных элементов.

«Миссию Загладина» надо было нам делать раньше. В частности, когда Куньял приезжал в Москву. Но тогда его приняли плево. Брежнев не захотел с ним встречаться, а Б.Н. (я присутствовал) говорил пошлости в духе своего учебника по «Истории КПСС».

Беспомощность нашего Отдела теперь очевидна. Перцов (референт по Португалии) «информировал» ЦК (через Загладина и Пономарева), передавая то, что ему говорили португальцы, без малейшего анализа и собственного мнения. Создавал впечатление, что Португалия (и в первую очередь ДВС[6], армия) в кармане у коммунистов. Да что Перцов! Никто всерьез не хотел заниматься Португалией. Думаю, что а) по причине старческого безразличия к тому, что прямо не касается и «не каплет»; б) по причине почти не осознаваемого разделения сфер с американцами (Чехословакия – «наше», Португалия – «ваше»).

Сегодня принимал Уинстона (председатель КП США, негр, слепой). Просвещал его насчет МКД, европейской конференции КП, перспектив Совещания, отношений КПСС с ИКП, ФКП, КПИ, по Ближнему Востоку. Очень он был доволен. Не много же им нужно, этим лидерам партий!

Вчера прочел а «Новом мире» очередную повесть Ю. Трифонова «Другая жизнь» – как скальпель снял с быта московской интеллигенции. Страшная вещь на фоне «строительства коммунизма». Либо идет процесс всеобщего социального распада, либо незаметно складывается новое общество – банальное, безыдейное, бесцельное, скучное.

Все заметнее недееспособность Брежнева. Вернулся из отпуска еще 29 августа, но нигде не появился и в ЦК его не чувствуется. А поскольку все сколь-нибудь существенное замкнуто на него, дела стоят. Достаточно посмотреть на его график: Кошта Гомеш, Жискар д'Эстен, Форд, съезды в Польше и на Кубе, какой-никакой Пленум ЦК – и все на оставшиеся три месяца, чтоб стало ясно, что никакой европейской конференции компартий (даже, если ее сумеем подготовить и уломать братскую оппозицию) – не будет.

13 сентября 75 г.

Сегодня встречался с О'Риорданом (генсек КП Ирландии). Он заехал из Будапешта, чтоб повидаться со своей любимой женщиной. Ну, а заодно – проинформироваться. Откровенно я ему рассказал о Португалии, о европейской конференции, о наших делах перед съездом. Отвечал он мне банальностями. Но умный человек, который понимает, что можно делать и говорить в его положении.

Прочитал В. Афонина «Письма из Юрги» в «Нашем современнике». Тоже очень талантливо, как и у Трифонова, но совсем другая материя, чем у Трифонова, социально – то же самое: безысходность всей нашей жизни, и в городе, и в деревне, полная утрата всякой

[6] Движение вооруженных сил, начавшее революцию.

идеи, полный разрыв с революционной эпохой и даже с «надеждами на будущее», волевым образом созданными в обществе. Наподобие русского общества 70-ых годов XIX века - без всякой «точки отсчета», как это бывает некоторое время после переломного исторического события. Невероятный разрыв между тем, что в официальной идеологии и повседневной прессе, радио, телевидении и тем, что в жизни. Мы еще не привыкли к тому, что стали банальным обществом. Поэтому и переживаем. А французы или англичане, например, давно к этому привыкли.

В четверг приходил Гарри Отт (посол ГДР). Принес предложение ЦК СЕПГ о графике подготовки европейской конференции КП. Предлагают созвать Рабочую группу на уровне Секретарей ЦК 9-10 октября. Б.Н. звонил с Юга – согласен. В то же время передал свой разговор с Брежневым, который очень кисло относится к этой конференции, главным образом по причине «уплотненности программы».

24 сентября 75 г.

Болею. Сижу дома.

В пятницу вечером был у Бовина на ужине. Поговорили. Он работает в экономической группе по подготовке XXV съезда в Волынском-2. Гостев за главного. Это – первый заместитель планово-финансового отдела ЦК, правая рука Кириленко. Арбатов, Иноземцев и еще несколько аппаратчиков из промышленного и сельскохозяйственного отделов. Печальная картина. Сначала они там долго спорили, от чего считать успехи пятилетки. Казалось бы, естественно – от Директив XXIV съезда. Но тогда вопиющее невыполнение по всем параметрам скрыть будет никак невозможно. Если же – от Закона о пятилетнем плане, то картина будет еще хуже, так как закон был принят несколько позже и с нажимом на интенсификацию показателей. Оставалось одно – считать от суммы годовых планов, каждый из которых более или менее своевременно занижался и потому с грехом пополам по многим направлениям выполнялся. Точка отсчета, конечно, совершенно нелепая, ни разу не использовавшаяся. И это, конечно, сразу бросается в глаза, особенно западным советологам, которые не преминут все пересчитать в наших Директивах (что естественно!) и сообщат об этом по всем «Голосам» советскому слушателю.

Бовин (с чужих слов, конечно, так как Брежнев с ним не общался) говорит, что Генсек ворчит по поводу всех этих дискуссий о базе отсчета. И получается вроде так, что это все косыгинские выдумки – Директивы всякие и проч.… «Ведь успехи-то есть! Все выросло, все увеличивается, всего больше становится. Чего еще нужно? Зачем ковыряться во всяких «методиках». И т.д.?!»

Действительно, все вроде выросло. Но куда и как идем! Что от идеологии ничего не осталось – уже очевидный факт. Теперь мы, оказывается, и планирование (один из наших трех китов) начинаем попирать ногами. Бовин говорит, что, если с превращением провалов и отставания в новые исторические успехи, мы, спичрайтеры, как-нибудь еще справимся (лучшие умы, искуснейшие и опытнейшие писарчуки брошены на это дело), то с определением перспективы вообще не знаем, что делать, - так все запутано, так все неопределенно, в смысле возможностей и ресурсов… В основном, следовательно, десятая пятилетка тоже буде составлена на глазок, с потолка. И потом: какова главная идея новой пятилетки? На XXIV съезде очень красиво арбатовским пером было сказано, что в основе девятой пятилетки должен быть рост благосостояния народа, что темпы «Б» должны быть отныне выше темпов «А», что теперь мы достигли такого уровня, когда можем одновременно с успехом решать и проблемы накопления, и проблемы потребления. Наконец, что девятая пятилетка – это пятилетка качества, производительности труда, соединения социализма с НТР. Так вот: по всем этим параметрам никаких принципиальных сдвигов и достижений с момента съезда нет. Какая же новая идея должна быть заложена в новую пятилетку? Пятилетка качества? Но ведь и о девятой то же самое говорилось, и на XXIV съезде и на всех Пленумах ЦК между съездами, и во всей пропаганде. И во всех текущих постановлениях ЦК по

экономическим вопросам об этом только и твердили. Что придумать в такой ситуации, абсолютно не ясно рабочей группе (спичрайтерам), тем более – ведомствам, начиная с Госплана, который поставляет ей данные.

То, что мы пошли на мир – это, конечно, великое достижение. И сейчас надо молиться, чтобы не остановились на полпути, как это произошло после XX съезда с культом личности, т.е. чтобы решились на прекращение гонки вооружений, на реальное разоружение. Иначе все буде смазано и даже может пойти вспять. Проблема мира нашим народом (несмотря на память о Войне) воспринимается, особенно послевоенными поколениями, так же, как и на Западе, - как дело, которое любой нормальный человек на высоком государственном посту обязан был сделать. И никакой особой заслуги в этом люди уже не видят. Но этот политический капитал быстро растрачивается. И все более явно выступает экономический застой и беспорядок. У них там, на Западе кризис, инфляция и проч., между тем, они дают нам кредиты и снабжают нас зерном – более 20 млн. тонн в год. Все это народу известно, который уже пустил в ход частушку: «Повелося на Руси в восемь слушать Би-Би-Си».

Между тем, после съезда так и не решились провести ни одного специального Пленума по экономике, хотя чуть ли не перманентно рабочая группа (я-то это знаю) готовила и совершенствовала материалы для такого Пленума. А ведь это – минимум: нынешние обычные Пленумы, когда один говорит, а другие – себе на уме – слушают и обсуждают потом в кулуарах всякие призывы и поучения с трибуны, мало что значат. И даже после специальных постановлений ЦК, вроде бы конкретных, - а их было за эти годы великое множество, - ничего по существу не менялось.

Вообще, в аппарате ЦК, да я думаю, и в так называемом общественном мнении, ощущение какой-то беспомощности «вверху», бездеятельности и неэффективности. Оно усугубляется каждодневными приветствиями ЦК или Брежнева то по поводу 40-летия стахановского движения, то по случаю ввода в строй моста через Лену, то в связи с пуском, например, рязанской ГРЭС, то еще по поводу чего-нибудь, а также почти ежедневным появлением новых Героев социалистического труда и разных орденоносцев.

Во всем очевидно отсутствие подлинного руководства страной. Всем нашим основным «лидерам» за 70, а Брежнев, забрав на себя все дело мира, видно, надорвался. И уже физически не может выполнять свою роль, вновь, как и при Хрущеве, гипертрофированно сконцентрированную на Генсеке.

Садат, который сейчас лает на нас каждый день, заявил недавно в интервью: «С советским лидерами невозможно иметь дело, они отдыхают по три месяца в Крыму, а потом еще полтора месяца отдыхают от отдыха». И слова эти «Голос Америки», «Би-Би-Си» и проч. разнесли по всему миру, а также по нашей великой, необъятной стране. Беда, что это, увы, правда. Систематически, повседневно, как того требует современная политика сверхдержавы, Брежнев уже больше года «не руководит». Он на щадящем режиме и в смысле информации, и в смысле деятельности. А замкнуто все основное, принципиальное и даже политическая повседневщина – на него. Т.е. – как при Никите и при Сталине, однако такого не было в те два года, перед смертью Ленина, когда он был уже не состоянии непосредственно вести дела государства.

Все, что я тут пишу, в общем-то – банальности. Подобными умозаключениями полны советологические исследования и вульгарная антисоветская пропаганда. Как бы, однако, там ни было, «что-то не благополучно в нашем королевстве». Обидно, что страна при таких ресурсах, наверно, уже превращается в заурядное большое государство с иррациональной, но закономерно присущей большой стране, логикой внешней и внутренней политики с бездуховностью и безыдейностью, с реагированием на всякое внутри и вокруг, но без собственных идей и без вдохновенья. И что делать, никто не знает. Не за Солженицыным же идти с его подонством.

Больше всего обидно, что мы уже сколько десятилетий не можем набить магазины от Бреста до Владивостока современным барахлом и едой. Здесь, судя по всему, нужна

настоящая смелость, готовность пойти на риск, не путаясь в выкладках маразматического Байбакова и ему подобных.

Загладин приехал из Португалии и Франции. Полтора часа его слушали на Политбюро. Сам факт – неслыханный, еще более неслыханно, что мы согласились на социал-демократическую Португалию и устами Загладина сказали об этом Куньялу. По существу это может иметь принципиальные последствия. Но не для нашей пропаганды и науки, которая по-прежнему будет пережевывать и перелицовывать абзацы из старых учебников. Поразительно в этом смысле двухподвальная статья в «Правде» - о задачах философской науки на современном этапе. Это – нечто! С одной стороны, все у нас, согласно статье, на научной основе, а с другой стороны – для человека, знающего положение дел, - такая статья – циничное подтверждение того, что марксистско-ленинская наука у нас – это болтливая схоластика, которая у нас сама по себе, а жизнь и политика – сами по себе. Крутятся научные колесики, идут хорошие зарплаты и гонорары, затеваются интрижки друг против друга, идет охота за ревизионистами, ломаются иногда отдельные судьбы, кто-то остается без партбилета, что в целом придает серьезность «проводимой работе», повышает «сознание политической ответственности». Но все это нужно только для того, чтобы колесики и в этой части закосневшего истеблишмента вертелись, демонстрируя «соответствие».

Встречи Загладина в Париже с Канапой, Дени и Фитерманом были, по его словам, возмутительны. Хотелось, говорит, встать, опрокинуть стол и уйти. Грубо и нагло французы говорили, что мы все делаем не так, что у них с нами коренные расхождения в оценках разрядки, и вообще хода мировых событий, что из мирного сосуществования сделаны ошибочные выводы и т.п.

Суть дела, видно, в том, что то, что для Берлингуэра и югославов - пройденный этап (демонстративная и, не у кого не вызывающая уже удивления независимость от Москвы, потому и нет необходимости говорить об этом публично каждый день), - для Марше еще не преодоленная проблема. Парадоксально то, что они, обвиняя нас в реформизме и ревизионизме по части внешней политики, по сути отстаивают свое право проводить реформистскую политику внутри страны. Иначе говоря, хотят, чтобы мы, СССР, антиимпериалистическим кликушеством в адрес Жискар д'Эстэна помогли им придти на его место и устраивать социал-демократический социализм во Франции.

Какова наша позиция? Да, никакой. Повергла, однако, всех нас в смущение неожиданная встреча Брежнева с Зародовым (шеф-редактор журнала «Проблемы мира и социализма»), который только что опубликовал разгромную статью в «Правде» в адрес Марше, итальянцев и испанцев. И это тогда, когда Брежнев вроде никого не принимает и пробиться к нему невозможно. Да он и не в курсе дела.

Остается гадать – сделана ли эта зуботычина по верху преднамеренно или по безалаберности, когда одна акция не связана со всеми другими и даже прямо противоположна им.

25 сентября 75 г.

Б.Н. вернулся из Крыма. Дважды звонил по внутреннему телефону.: что я думаю о конференции компартий Европы? Сегодня должен был приехать Аксен (член ПБ СЕПГ), чтоб рядить с Б.Н. «что делать?» Я сказал Б.Н.'у, что в новом проекте Декларации (коммюнике) есть попытка пойти навстречу и французам, и нашим правым оппонентам. Но я, мол, сделал ряд существенных правок и рассчитываю, что они будут учтены.

Он: А не получится так, что мы не удовлетворим ни тех, ни других?

Я: Это зависит от генеральной задачи, которую они преследуют. Если, например, французы задались целью сорвать конференцию, то их ничего не удовлетворит.

Он: Ну, что вы! Зачем им срывать?..

Я: Думаю, есть зачем. Марше сейчас проделывает то, что Берлингуэр сделал несколько лет назад: хочет показать и убедить всех, что он не рука Москвы, а совсем

независимый. Вот он грубо и нагло демонстрирует это, «решает свою генеральную задачу». В этой ситуации ему совсем «ни к чему» ставить свою подпись под коллективным, т.е. КПСС'овским документом.

Он: Да, Анатолий Сергеевич, неблагополучно что-то в нашем хозяйстве. Думайте, думайте. Завтра поговорим. И потом… Загладин мне все твердит: надо проводить, надо проводить конференцию. А мы-то сами готовы ее проводить? Ну, вот добьемся мы в Берлине 9-10 октября на Рабочей группе того, что все согласятся до конца года собрать конференцию. А в Москве нам потом скажут, что – не получается.

Я: Это так, Борис Николаевич. Декабрь для нас совсем выпадает – съезд ПОРП, КП Кубы, Форд… Следовательно, остается ноябрь, т.е. один месяц для подготовки… И кроме того, меня смущает, что в проекте документа конференции мы по существу (на 95 %) «выстреливаем» всю «Программу № 2», предназначенную в качестве продолжения Программы мира для XXV съезда. Согласится ли наш «верх» в наше время пересказывать на съезде то, что будет на коммунистической конференции «выработано» вместе с румынами, испанцами и «прочими шведами»?

Вернулся из Болгарии театр на Таганке. Первые его заграничные гастроли. Демичев вынужден был пойти на это (под нажимом Живкова) и ввиду того, что надо было как-то реагировать на 42 заграничных приглашения Любимову. Выбрано было самое «безопасное» Однако, Живков оказал театру подчеркнутое внимание. И его теперь будет труднее мордовать: неловко перед «братьями».

<u>28 сентября 75 г.</u>

Вновь взялся за дневник Байрона. Поразительная вещь. Кто (начиная с меня) станет сейчас зачитываться его знаменитыми поэмами? Кого удовлетворят и насытят, да просто всерьез заинтересуют его поэтические произведения (не считая специалистов)? А соприкосновение через дневник и письма с этой простой, умной, вполне «реалистичной» личностью приносит необычайное духовное наслаждение.

В пятницу к концу рабочего дня два часа с Загладиным, Шапошниковым, Жилиным разбирали состояние МКД в связи с визитом Аксена к Пономареву и с предстоящей встречей по подготовке европейской конференции коммунистов. Я глубоко убежден, что она завалится… И не только потому, что нам будет некогда. А потому, что нам не нужна конференция, которая не даст «уря-уря» в адрес КПСС и не будет демонстрацией единства вокруг нас. А такой конференции мы ни за что уже не получим.

<u>3 октября 75 г.</u>

Во вторник был на Секретариате ЦК. Вел Суслов. По одному нашему вопросу сделал обобщающую выволочку: об участии советских организаций в «Днях СССР» в Италии, в 10-ти городах «красного пояса» - Болонья, Феррара, Сиена, Римини, Реджо-Эмилия и др. Предполагалось направить 450 человек (ансамбли, выставки, лекторы, спортсмены, повара, просто артисты и т.п.), впрочем, столько же, сколько было в 1972 году в Неаполе, в Риме в 1973 году на аналогичных встречах. 150 тысяч наших рублей, ни одного валютного. Сами итальянцы собирают на это 300 млн. лир. Инициатива областного правительства Эмилии-Романьи и, конечно, ЦК ИКП.

Партия, с руководством которой у нас далеко не все гладко, использует свои позиции в политической жизни страны, чтобы максимально открыть нам дверь в Италию. Просто здравый смысл, не говоря уж о заботах, интернационализме. Ни в одной другой капиталистической стране такого не получишь.

Суслов, никого не выслушав, как обычно в таких случаях, повел атаку: Безобразие! Размахнулись! Мы тут экономим каждый рубль, а они на областное мероприятие – и не в

Донбасс, а в Италию, - 450 человек, и не на дни, а почти на месяц! Сократить! Резко сократить!

Это, несмотря на то, что была приложена справка: к «Дням» подтянуты многие мероприятия на Италию, предусмотренные годовым планом, утвержденным ЦК, и деньги на это уже отпущены. Дополнительные расходы – минимальные.

После поддакиваний других членов Секретариата, включая Пономарева (который при подготовке материала был еще в отпуску и теперь имел алиби, чтоб отмежеваться от продукции собственного отдела) Суслов дал новую очередь: «Зачем в 10-ти городах! Взять надо один город, например, Болонью за базу. А из других пусть приезжают… Зачем столько дней на «круглый стол» и дискуссии? Двух хватит». (Между тем, в записке – да и без нее легко сообразить, - сказано, что ведь это ИКП организует! Не мы! Мы не можем ей сказать: Берите Болонью за базу, а из остальных возите на автобусах! Да много ли привезешь? А итальянские коммунисты хотят, чтоб это были народные празднества, а не галочные мероприятия, как у нас!)

Постыден для нашей страны и партии такой подход. И как мы теперь будем смотреть в глаза итальянцам, которые в течение года вместе с нашими соответственными организациями все это готовили, арендовали помещения и т.п.?

То, что мы экономим на таких вещах, само по себе печально. Суслов напомнил о том, что за день до того на Политбюро обсуждался план десятой пятилетки и сказал: «помните, с каким напряжением мы будем подводить финансовый баланс»… А Б.Н., которого после ПБ в понедельник я встретил вечером в коридоре, покачал (по поводу заседания) головой и безнадежно махнул рукой. На другой день после Секретариата я узнал, что потребовали от государств, которым мы продаем оружие (а это, главным образом, арабские и африканские) выплатить досрочно причитающуюся сумму, причем, в ценах мирового рынка, а не в договорных, и в конвертируемой валюте, что не было оговорено в соглашениях. По этому поводу Бакр, президент Ирака, нагло заявил: «Ничего Советы не получат этого, а будут нажимать – получат второй Египет!»

Это я к тому, что раз идут на такие явные глупости, дело с финансами, действительно, плохо.

Но почему оно так плохо?

А, впрочем, вот, в частности, почему: в тот же день на Секретариате при столь же императивной позиции Суслова была утверждена (опять же при поддакивании остальных) поездка в Канаду и Мексику заместителя председателя Совмина СССР Новикова с восьмью сопровождающими, по вопросам предстоящей Олимпиады. Так вот: первый класс для 10-ти лиц в самолете, по 450 золотых рублей на каждый из запланированных приемов, суммы на сувениры и проч. В общем (в реальных ценностях для страны) это не меньше, чем наше несчастное мероприятие на «красный пояс» в Италии. Зато с точки зрения интересов партии и страны поездка Новикова равна нулю. Все это бюрократический протокол. Но здесь никому в голову не пришло экономить, даже с валютными расходами не посчитались.

Второе: помощник Суслова Воронцов выдал «тайну» экономии на итальянцах нашему референту, которого я послал к нему убедить и разъяснить политический смысл. «Это, говорит, все Кириленко завязал, когда был на съезде ИКП. Он наобещал Берлингуэру. Но – не вышло! Не удалось ему поставить ЦК перед свершившимся фактом!» А Кириленко, соперника за «второе место, Суслов ух как не любит.

Кириленко сейчас в отпуску. Будь он здесь, Суслов, должно быть, не затеял этого позора. А если б сам Кириленко вел Секретариат, то может быть даже еще и добавили денег на это мероприятие, а присутствующие так же поддакивали бы, как они делали сейчас, только «наоборот».

Вот вам и вся принципиальная экономия!

И, наконец, еще одно. Вчера Б.Н. позвал меня для какого-то дела, а потом говорит: вот, Михаил Андреевич (Суслов) передал мне ваш ново-огаревский текст, просил читать и готовить мнение, сам он прочел всего несколько страниц (это с 8-го сентября!). [Речь идет о

проекте Отчетного доклада к XXV съезду]. Он слепнет. Вы знаете? Правый-то глаз у него давно уже не видит. Читал одним левым. Но много ли прочтешь одним глазом! – простодушно комментирует Б.Н. – А вот теперь и левый, естественно, начинает отказывать. Лечили наши. Приглашали швейцарского профессора. Тот рекомендовал тренировать слепой глаз… Словом, не может он всерьез уже ничего читать.

В самом деле, человеку 73 года. Да еще не видит. Иначе говоря, его информированность не выходит, должно быть, за самый минимум. А решает он жизненные вопросы страны. Ведет и Секретариат ЦК и очень часто Политбюро.

Все рассказанное здесь, вроде как привязано к частному случаю. Но, думаю, в какой-то степени оно объясняет, почему у нас плохо с финансами, и не только с ними.

Я не часто бываю на Секретариате. Но, как правило, выношу оттуда весьма мрачные впечатления. И на этот раз тоже. Убогость уровня обсуждения, некомпетентность одних в вопросах, которые предлагают другие, мелочность самих вопросов – повергают в отчаянье. Ведь из 20-ти с небольшим вопросов, вынесенных на этот Секретариат, около дюжины были посвящены награждениям людей и учреждений. Или всяким текстам приветствий. По поводу одного из них (в связи с 250-летием АН СССР) Капитонов, как на уроке в сельской школе, явно по шпаргалке от своего отдела, нудил: «вот тут слово повторяется, а это какое-то неподходящее, а здесь запятая по моему не на месте стоит» и в этом роде.

Б.Н. рассказал мне, что к нему вчера приходил Кусков. Вид, говорит, у него совсем не рабочий. Еле вяжет слова. Поговорили. Я подумал, целый год он почти мается и врачи ничего не обещают, взял да и спросил его: «Елизар Ильич, а не пойти ли вам на пенсию. Сейчас вы член ревизионной комиссии КПСС, первый зам., нам будет легко добиться и всесоюзной пенсии и сохранить «кремлевку». После съезда будет труднее. Да и надорваться вы можете, если в таком состоянии приступите к работе. Он, - продолжал Б.Н., - неожиданно для меня отнесся к этому спокойно. И согласился, так что встает вопрос о первом заме. Я помню, вы высказались при нашем первом разговоре на эту тему в пользу Загладина. А как сейчас?»

Я: Я и сейчас так же думаю, в ваше отсутствие Шапошников исполнял эту роль совсем неплохо. Однако, даже формально будет трудно представить его, а не Загладина, который – член ревизионной комиссии, известен и любим в самых верхах.

Б.Н.: Так оно так. Но уж больно он тянется вверх. Теперь вот эта поездка в Португалию. Ничего особенного не сделал, а на ПБ полтора часа слушали! Или возьмите такую вещь: некоторые важные вопросы, сколько ни понукаешь, держит, тянет, а как уеду в отпуск или в командировку, он их сразу наверх выпускает, чтоб себя показать. Ведь не было случая, чтоб он поехал за границу, пусть даже на отдых, - и не написал самому верху шифровки о своей выдающейся деятельности там!

Старик усек планы Загладина сесть в его кресло. И хотя он не верит, что это возможно, пока он сам жив, ему неприятно. Не хочет он делать главным после себя человека, который при каждом случае будет демонстрировать, что он умнее шефа. И к тому же имеет прямой выход на Генерального, не говоря уж о помощниках.

Я: А вы с Шапошниковым говорили на эту тему?

Б.Н.: Да. Только, Анатолий Сергеевич, совершенно между нами, пожалуйста, он против того, чтоб назначить Загладина первым замом. Он предлагает потянуть.

Я: Дело ваше. Но Шапошникова все равно неудобно представлять сейчас. А после съезда Загладин будет уже либо членом ЦК, либо кандидатом в члены… К тому же, при всех достоинствах Шапошникова по своей квалификации (говорить, писать, знать) он не может в наше время достойно представлять Международный отдел.

На этом разговор кончился.

А сегодня был очень противный разговор с Б.Н.'ом о I томе. Не читал и читать не будет. Все мои попытки рассказать ему, насколько это интересно, оригинально, временами даже захватывающе, упираются в презрительный скепсис: «Введение-то пять раз пришлось переделывать, а весь остальной том делали ведь те же люди!»

Поражает меня его беспардонность и бестактность. Он хамски пытается перенести свои сомнения на других, хотя совершенно ясно, что любой на моем месте это будет принимать на свой счет.

Для чего все эти интеллектуальные усилия большого коллектива, такая концентрация знаний и энтузиазма, любви к делу и мастерства – а все это есть в I томе, - если такое отношение?! Этот почти простодушный цинизм с другой стороны отражает тот же внутренний распад в нашем начальстве, который так обнажил себя в истории с «Днями СССР в Италии».

5 октября 75 г.

Поехал вчера к Дезьке (Давиду Самойлову). Поговорили о том, о сем. О Португалии, об Израиле, о Садаме, о том, к кому прислонится Вьетнам… Даже Дезькин огромный ум не в состоянии преодолеть отсутствие надлежащей информированности. И его попытки обобщать выглядят, как у всех непричастных, банально. Потом он вдруг говорит: Сдал в «День поэзии» свою поэму об отречении Александра I. Там, между прочим, впервые печатают ответ Солженицыну на его «Письмо вождям».

Он прекрасно себя читает. И вещь, конечно, не просто незаурядная, а по-настоящему крупное произведение – и по мысли, и по стихам.

К Солженицыну он трезв, без всяких слюней и почтения. Пересказал мне «Бодался теленок с дубом»… Конечно, говорит, производит впечатление, когда один человек встал против могущественного ГБ. Ничего, говорит, там нет про Твардовского, который так ему помог. Но в целом вся его затея – ерунда. И ничего оно не даст. Как писатель он весь «вторичен». Особенно это видно стало в «Августе 1914». Но как мемуарист-разоблачитель он силен художественно, ловок и фанатичен. Но и только.

10 октября 75 г.

Сейчас проходят дни празднования 250-летия Академии наук. К вопросу о наградах. Наградили сплошняком всех академиков, член-корров, директоров, замов, кроме тех, кто в течение последних двух лет уже получил за что-нибудь орден. Арбатов отхватил орден Ленина, хотя совсем недавно получил орден «Октябрьской революции» по случаю своего 50-летия. А Иноземцев и Федосеев, представленные к Герою, оного не получили, а лишь тоже – ордена Ленина. Вакханалия награждений продолжается. В АН почти две недели идут торжества – встречи, заседания, взаимовосхваления. Серьезные взрослые люди в поте лица изо дня в день занимаются этим… Девальвация наград, празднеств, протоколов, тостов, речей, докладов – на базе общей нашей инфляции. Но любая инфляция на очередном этапе становится признаком нездоровья, во всяком случае – какого-то неблагополучия в обществе.

Пономарев вдруг сам решил ехать в Берлин на Рабочую группу по подготовке конференции европейских компартий. Там собрались представители 27 партий на уровне членов Политбюро и секретарей. Видно, все поняли – в обстановке буквально ажиотажа в западной прессе насчет того, что конференция заваливается – дальше тянуть опасно (для разных КП по разным причинам). Результатов не знаю еще, хотя Б.Н. завтра уже возвращается. Перед отъездом после того, как он добился «добро» (хотя и не окончательного – от Л.И. на ПБ) – вести дело к тому, чтоб провести конференцию до XXV съезда, он имел со мной «серьезный разговор». Фактически он обвинил меня в том, что я хочу сорвать конференцию. До этого, несколько дней он не раз выспрашивал мое мнение и о самой конференции, и о проекте документов. Я говорил все откровенно: во-первых, я не верю, что Брежнев выберет время; во-вторых, я не вижу смысла в этой конференции в данный момент: ничего нового по сравнению с Хельсинки она не скажет; в-третьих, и главное – она может превратиться в демонстрацию отмежевания наиболее влиятельных партий «от Москвы». Мол, раз они пошли на такую уступку КПСС и приехали на конференцию, которую весь мир

рассматривает как отчаянную попытку «Кремля» показать свою заглавную роль и способность настаивать на своем, - раз уж это оказалось неизбежным, то они воспользуются такой публичной трибуной, чтобы в присутствии самого Брежнева сказать на весь мир, что они «независимы», самостоятельны и будут делать по-своему, хоть ты тресни.

Я говорил Пономареву: Вы упрекнули меня, что я не понимаю «интересов отдела», мол, для его престижа очень важно к съезду преподнести такой подарок и, чтобы это был наш, отдельский подарок. Ну, а если случится демонстрация всеобщей независимости (как выразился однажды Загладин, - уже не «единство многообразия», а «разнообразие многообразий»), как тогда мы, отдел, будем выглядеть! Ведь сейчас Брежневу что-то докладывают о положении в компартиях, что-то опускают, чтоб не раздражать. Но полной картины развала «нашего хозяйства» он не видит еще. На конференции же он эту картину обнаружит в натуральную величину.

На Б.Н.'а это произвело… Однако он отговорился: Надо думать, надо думать. А вся серьезность его разговора сводилась к тому, чтоб мои опасения и аргументы не дошли до Александрова. И начал он с вопроса – не довел ли я уже их до его сведения. Я, - продолжал Б.Н., - стараюсь заполучить Александрова в союзники для соответствующего влияния на Брежнева, а вы подрывает эти мои усилия. Я убедился, что вы (Черняев) против конференции, когда прочитал проект Отчетного доклада съезду, раздел, написанный вами, где о конференции компартий говорится, как о чем-то таком, что может быть после съезда.

Я успокоил Пономарева: Александров моих аргументов не знает, он их не слышал. Но мне была противна вся эта сцена. Ведь он фактически заподозрил меня в том, что я срываю конференцию, потому что меня оттерли от ее подготовки, многочисленных поездок в Берлин и т.д. С него станется такое, хотя он меня знает более 15-ти лет.

Вчера Сахарову дали Нобелевскую премию мира. Что-то будет?

<u>11 октября 75 г.</u>

Передо мной верстка статьи Салычева для «Коммуниста». Называется «Революция и демократия». Зам. главного редактора Баграмов просил меня «сугубо конфиденциально» посмотреть. Посмотрел. Революционная схоластика. Еще одно свидетельство того, когда же сравнительно умные и грамотные люди, действуя в соответствии с нашей идеологической логикой, создают политически безграмотные сочинения, даже вредные с точки зрения конкретной политики.

Если такую статью опубликуют, она вызовет поток подозрений насчет нашей серьезности в отношении Хельсинки со стороны официального Запада и поток презрительных комментариев и несогласия «с Москвой» со стороны таких наших друзей, как итальянцы, французы и им подобные. Для чего же статья в официальном органе ЦК КПСС? Для идеологического самоуслаждения.

Читаю Быкова «Дожить до рассвета». Война, и опять волнуюсь. От чтения Быкова всегда и особенно волнуюсь, потому что он пишет о самоотверженности в душах воевавших, которая отнюдь не всегда завершалась героизмом результатов.

<u>15 октября 75 г.</u>

Сегодня звонит мне Афанасьев (главный редактор «Коммуниста»): «Тебе. – говорит, - все таки придется идти к нам в редколлегию». Дней десять назад он уже звонил мне по этому поводу, получив указания от Суслова. Я сказал, что предпочитаю остаться в «Вопросах истории». Вызывал меня Пономарев на эту тему. Я ему разъяснил, что не хочу уходить из «Вопросов истории», а с «Коммунистом» я и так связан: по каждому более или менее серьезному случаю от них прибегают с просьбой прочесть верстку или рукопись.

- Ну, смотрите, - резюмировал Б.Н.

Афанасьев продолжал давить на меня, ссылаясь на Суслова. И это оказалось для меня неожиданным. Будто Суслов сказал: «Если нужен представитель Международного отдела ЦК в редколлегии, лучше берите Черняева, он грамотней других».

И опять позвонил Пономарев, на этот раз зная мнение Суслова. И уже не уговаривал, как при первом разговоре, а лишь дважды произнес: «Вы же ведь, Анатолий Сергеевич, не хотите…» Что-то у старика на уме. А что, не догадываюсь.

В воскресенье устраивал в Успенке «Девятнадцатое октября» (в подражание Пушкину). Дезька, Вадим, Лучана, Феликс и др. Крупно выпили. Было мило. На политическое обострение разговора я с Вадькой не пошел. Дезька читал кое-что из нового. Сильно он сейчас пишет. Собирается купить дом в Пярну (Эстония), но не продают, раз не хочет сдавать московскую квартиру. Сегодня я позвонил по этому поводу Вайно Вялясу (Секретарь ЦК компартии Эстонии), с которым мы в прошлом году познакомились в Финляндии. Он обещал сделать «исключение из правил».

Прочитал стенограмму Рабочей группы в Берлине (9-10 октября) по подготовке европейской конференции компартий. Патетика Пономарева во славу интернационализма понравилась, но ничего не изменила в позициях компартий. Дискуссия подтвердила воочию, что комдвижения как политически международной силы нет. Согласны только в том, в чем согласны были главы государств и правительств в Хельсинки, и ключ к пониманию этого, пожалуй, в одной мысли итальянцев: пора поставить ограничитель идее единства компартий. Это – сектантство. Актуально и реалистично единство коммунистов, социал-демократов, социалистов, христиан и вообще всех демократов. Здесь – перспектива, здесь действительная общественная сила. Эта мысль корреспондирует с заявлениями большинства участников, включая тех, кто ее не уловил, и тех, кто ортодоксально строг в отношении социал-демократов (вроде австрийцев), которые, однако, заметили, что в проекте итогового документа слабо отражена необходимость единства с социал-демократией. А между тем, как сказал Шарф (представитель компартии Австрии), она у власти в большей части Западной Европы. И с нею придется иметь дело, если хотеть строить какую-то новую Европу.

Участников не смутила резолюция Социнтерна, принятая недавно в Лиссабоне и ориентирующая на усиление антикоммунистической активности.

Итак, Берлин показал, что комдвижение «не актуально», что оно, с точки зрения его участников, - «устарелая форма» исторической инициативы и формирования реальной общественной силы, способной добиться перемен. Таким образом, итальянский «исторический компромисс» выходит за национальные границы так же, как до этого незаметно стала реальностью идея Пальмиро Тольятти о «единстве в многообразии».

Сегодня принимал Кленси и Саймона, председателя и генсека австралийской Соцпартии[7]. Они внедряются в профдвижение. Но общий их уровень жалок. Все просят подачек. Одну мы недавно сделали: подписались на 100 экземпляров их газеты «Socialist» и ликвидировали подписку на газету КПА «Tribune». Решение ЦК. Это их обрадовало.

Кленси о людях с Тимора. Нельзя, мол, опоздать с признанием этого осколка Португальской империи.

История с корреспонденцией Мидцева (референт Отдела) в «Правде» о конференции Социнтерна в Тунисе. Этот мудак-сталинист под руководством Ульяновского (зам. зав. Отдела) хотел протащить статейку об социал-демократии в духе конца 40-х годов. Боже! Политики! Подрубил я эту затею, хорошо «Правда» сама смекнула и прежде чем печатать, послала мне.

Жискар д’Эстэн в СССР. Демарш ФКП – предупреждение КПСС, чтоб не вели себя так же, как с Шираком в начале года. Наглецы. Впрочем, это тот же аспект эволюции комдвижения. Раньше (год назад) делали нам представления и оскорбляли нас в закрытых письмах. А теперь – в «Юманите».

[7] Отколовшаяся от компартии кучка «марксистов-ленинцев», преданных КПСС.

Читаю книжку о Жискаре, подготовленную «для служебного пользования» Институтом информации АН СССР. Хорошо составлена из французских источников. Поучительное чтение.

Вроде Загладина сегодня утвердили первым замом (сообщил Брутенц). Как это произошло конкретно и почему вдруг Б.Н. заторопился, не знаю.

16 октября 75 г.

Обстановка в верхотуре партии и страны почти тупиковая. Болезнь и умственный упадок Брежнева становятся очевидными для всех. Он бодро выступил на обеде с Жискар д'Эстэном, но перед этим в аэропорту, как заметила вся Москва по TV, был «скучен». И на другой день французам предложили отложить переговоры до пятницы. Жискар отправился в Ясную поляну и Бородино. Все mass media» Запада шумят: что-то произошло! Что будет завтра? Пономарев, который мне сообщил, что, мол, «неважно себя чувствует», при этом безнадежно махнул рукой. Сам он в мандраже по поводу судьбы европейской конференции компартий. Противоречия и разногласия с братскими партиями создают неопределенность. Но главная для Б.Н. неопределенность – сможет ли Брежнев участвовать в конференции.

Завтра на ПБ Брежнев вроде будет сам председательствовать. Будут выбирать кому куда ехать: 8 декабря съезд ПОРП, 17 декабря съезд КП Кубы, затем заседание ПКК (Политический Консультативный Комитет Варшавского договора), поездка Генсека в США, конференция компартий Европы…

Кроме того, в декабре же обещано принять с официальным визитом монгол и алжирцев.

Будто бы Брежнев собирается поехать на съезд на Кубу, это ведь первый съезд кубинской компартии. А оттуда прямиком в Соединенные Штаты. Как это расценит «Борода»? На польский съезд тоже немыслимо Генсеку не поехать.

Куда же втискивать конференцию компартий Европы-то? Тем более, что не Брежнев, не другие в ПБ, кроме Суслова и Б.Н.'а, не понимают толком, зачем она вообще нужна и что даст. Впрочем, Суслов с сегодняшнего дня ложится в больницу на операцию глаз, т.е. месяца на полтора.

Сколько такое может продолжаться? Ведь я знаю только о том, что связано с международными делами, да и то – с теми, от который практически ничего не зависит. Есть еще и внутренние дела, которые повседневно связаны с самой жизнью народа. Между тем, руководство страны фактически парализовано. Никто не состоянии действовать и лишен возможности что-либо предпринять по существу, т.е. решать, раз есть беспрекословный лидер, в руках которого непререкаемая власть. Но руки эти уже беспомощны.

Разговаривал с Б.Н. о вчерашней своей беседе с Кленси и Саймоном. Плевать он хотел на все это, в том числе на всю проблему Тимора.

Джавад (зав. сектором британских стран) съездил на Мальту. Убедился, что там есть компартия. Но Б.Н. и слушать не захотел о ней, не говоря уже о том, чтобы включить ее в подготовку к европейской конференции. Его беспокоит только одно – как бы не перегрузить лодку конференции еще какой-нибудь проблемой.

18 октября 75 г.

Вчера был прием в честь Жискар д'Эстэна в Георгиевском зале. Давно я уже не хаживал на подобные перформансы. Происходит это так: на лестнице от главного входа толпа «наших» – стандартный набор, приглашенных по списку №… Их не пускают до тех пор, пока через образуемый ими тесный коридор не пройдут дипломаты. Делается это у нас, как обычно, грубо и обидно. Некоторые дамы выражали возмущение. Потом разрешают входить в зал. Толпа, более или менее поспешно устремляется в высокие двери к столам. Распределяется по привычным группкам. Например, замы из аппарата ЦК, я заметил,

сосредоточились целиком в одной нише зала… И сразу начинают пить и есть, говоря между собой про свое, чокаясь, хватая что повкуснее и необычнее (стерлядку, икру т.п.).

В назначенный момент у входа в зал скапливаются главные лица, на этот раз в первом ряду – Брежнев, Жискар, Косыгин, Подгорный. Затем члены и кандидаты в члены ПБ. Затем жены самых главных и, наконец, замыкают гурьбой, французы. Раздается Марсельеза. Потом наш гимн. Потом вышеуказанные медленно идут меж столов под аплодисменты. Брежнев улыбается, приветствует рукой, кого узнает, другие, Косыгин, например, как обычно, насупленный, идут, как по пустому залу. Пономарев, веселый кланяется налево и направо, скользнул глазами по мне, вроде даже удивился. Заглавная группа проходит в глубину, остальные принимаются «за дело» с еще большим жаром. Я оказался рядом с Ковалевым (зам. МИД), Самотейкиным (референт Генсека) и Цвигуном (зловещий зам. Андропова), и их женами. Я занялся женой Толи Ковалева – умная, простая, интеллигентная женщина.

Никаких официальных тостов и речей. Ровно через час «основная группа» в том же порядке прошествовала обратно под менее организованные аплодисменты. И все.

Брежнев (я его близко уже года два не видел) выглядит располневшим, обрюзгшим, с потемневшим лицом.

Вечером читаю Jean Ellenstein. Histoire du phenomene Stalinien. Это французский коммунист, автор четырехтомной «Истории СССР». Книга написана для обоснования нынешней политической позиции ФКП – «мы пойдем своим путем, а то, что было в России, - результат ее дореволюционной дикости. В России сталинизм был так же неизбежен, как он невозможен во Франции…» Все в этом духе. Фактические цифровые данные в книге вновь потрясают.

19 октября 75 г.

На днях бывшему первому заму Пономарева Елизару Кускову определили пенсию: 270 рублей с сохранением до следующей осени Успенки, кормушки и Кремлевской больницы. Сошел человек. А сколько лет был «величиной».

Меня остановило одно замечание, походя брошенное Пономаревым, когда он сообщал мне о графике предстоящих дел. (Съезд ПОРП, съезд КП Кубы, европейская конференция компартий, встреча Брежнева с Фордом и т.п.)… «А от съездовских материалов отмахнулся. Сказал: потом, потом»… Б.Н. комментирует: «Удивительная вещь, не поймешь ничего, никогда так не было…До съезда партии-то ведь рукой подать»… И опять махнул рукой, скорчив гримасу.

Я думаю, уж не готовится ли Брежнев к уходу на покой. Ведь с каждым его появлением на публике все больше в народе утверждается ощущение о его физическом и психическом угасании. Он сам это чувствует, наверно. Вчера на экране, из Внуково-2 при проводах Жискара он выглядел просто жалко, в этой нахлобученной шляпе, у которой он все время держал руку, дрожащую, это было видно, якобы в воинском приветствии. И весь этот нелепый протокол выглядел мрачным, скучным, бессмысленным. Неужели он не озабочен, как лучше передать наследство?

Съездовские материалы, которыми он еще ни разу не поинтересовался с того момента, как сказал, чтоб пишущие бригады выезжали по дачам, видно, утратили для него значение. Не исключено, что он уже не рассчитывает сам произносить то, что ему напишут. Я, например, не представляю себе, как он в таком состоянии смог бы стоять с текстом на трибуне 4-5 часов. Может быть, он по примеру XIX съезда обдумывает – не поручить ли чтение доклада кому-нибудь другому, а себе взять краткую напутственную речь (так сделал Сталин в 1952 году).

В воскресенье прогуливался с Брутенцем. Он тоже озабочен. Праздники каждое воскресенье (сегодня, например, День работников пищевой промышленности), юбилеи, приветствия, награждения, приемы, послания, поздравления, проводы, встречи, беседы… Что

происходит? Где мы находимся? Куда мы идем? Что будет через год? Куда там – что будет со съездом?

Официальная действительность, а вернее – мифология совершенно оторвалась от реальной жизни, от умонастроений и интересов людей. Газеты и общественно-художественные журналы – нечто совершенно различное. В газетах оптимистическая тарабарщина по изъезженным правилам. В журналах все более высокохудожественная бытовщина – унылая, беспросветная, никуда не идущая и ни к чему не стремящаяся. Раньше этим «грешил» «Новый мир». Его клевали, он был паршивой овцой. Теперь в этом смысле все журналы такие. Я не берусь думать, что их редакторы исподволь, со злорадством протаскивают эту атмосферу (отражающую реальную безыдейность общества). Может быть, есть и такие скрытые либералы. Но большинство наверняка зажало бы это все, как и делали раньше. Однако сейчас, видимо, это невозможно. В этом случае вообще нечего было бы печатать. Читатель бы не стал читать жвачку. Более того, профессиональный уровень (и «этика» в этой среде) уже, видно, таковы, что они автоматически не могут создавать искусственно «одухотворенные» вещи.

Повсюду, чуть ли не на улице пахнет ожиданием чего-то. В открытую говорят о «дряхлости правительства». В самом деле, такого старого «контингента» в правительстве не знало, по-видимому, ни одно цивилизованное государство за всю историю человечества.

Сделано великое дело – разрядка. Автор ее – Брежнев. Но мы подошли к рубежу в этом процессе, когда не знаем, что делать дальше. Она имеет перспективу, если будет продвижение вперед. Иначе неизбежно какое-то новое издание «холодной войны». Жискар в своей нашумевшей речи на обеде в Кремле очень точно сформулировал, куда только и можно идти дальше. А именно: два направления – разоружение и отказ от «холодной войны» в области идеологии=идеологическая разрядка (при сохранении борьбы идей). Мы не идем ни на то, ни на другое. Да и они ведь не идут. Но дело в том, что над ними не каплет, они даже в условиях кризиса могут позволить себе «и пушки и масло».

Кроме того, раз мы инициаторы разрядки и раз она нам больше всего нужна, как мы заявляем, то пусть мы и впредь «подаем пример». А они могут подождать, будут нас шантажировать, провоцировать, подлавливать, уличать в непоследовательности, в отступлениях от Хельсинки.

Но мы-то не можем себе позволить топтаться… Впрочем, можем. И, наверное, ничего не случиться. Если мы столько лет, в худших обстоятельствах, позволяли себе половину национального дохода вбухивать в армию и вооружения, то почему бы не продолжать теперь. А потом – куда деваться-то? Создав такой военный аппарат с десятками маршалов, с десятками тысяч генералов и сотнями тысяч полковников, с инфраструктурой военной промышленности, в которой заняты миллионы людей, - не запустить же все это на Луну! Теперь это уже приобрело силу объективного закона самовоспроизводства. Это уже социальная категория нашего общества, очень привилегированная в основном и очень влиятельная. С ней «просто так» не расплюешься.

А в области идеологии еще того хуже. Идеологический маразм, к которому мы пришли (в немалой степени благодаря своей экономической и военной политике), в конце концов даст «новое качество» (когда вырастут совсем уж новые поколения, свободные от революционно-патриотической веры отцов). Но это когда-то будет! А пока что можно делать вид, что все в порядке. Тем более, что идейную проблему нашего общества не решишь идеологическими средствами. Корень ее в том кадрово-психологическом наросте, который как кораллы, облепил политическую и экономическую структуру общества и не даст ему дышать, душит, стесняет его, сталкивает в гниющее болото.

Впрочем, я отклонился… На Западе уже поняли, что мы подошли к рубежу в своей политике разрядки, через который нам очень трудно будет переступить (разоружение и идеологическая разрядка). И вот тут-то они нас возьмут (и уже берут) в оборот с помощью нами же вызванных к жизни «культурненьких» методов и принципов Хельсинки.

Европейская конференция компартий поэтому приобретает принципиальное значение. Если она пойдет по пути, которого хотят французы и, как выяснилось в Берлине, большинство наших «братских» партий, т.е. по пути «усиления классовой борьбы против империализма», то тут-то нас и схватят за руку партнеры по Хельсинки. И китайцы окажутся, боюсь, правы в своих разглагольствованиях о ложной разрядке. Увы, товарищ Пономарев со своей коминтерновской психологией, склонен идти именно в этом направлении. И скорее всего, принимая во внимание явное отключение главного автора разрядки от практической политики, его физическую неспособность разобраться, что и зачем, Пономареву (при поддержке Суслова) может быть и удастся эта операция. И значит еще на годы балансирование в неопределенности между «холодной войной» и разрядкой, когда ничего не решается, все проблемы заблокированы, ничего никуда не продвигается и социальный маразм крепчает.

Пономарев любит кричать о разоружении, везде и всюду разоблачает гонку вооружений и т.д. Одновременно, своей европейской конференцией он внесет «посильный» вклад на данном этапе в усиление этой гонки.

24 октября 75 г.

Неделя очень содержательная. Во вторник я невольно подслушал разговор по телефону Катушева с Пономаревым: был у него в кабинете, когда позвонил Катушев. Из обмена репликами я понял, что конференция компартий Европы заваливается. Но виду не подал. На следующее утро Б.Н. сам меня позвал и после разговора о докладе на съезде вдруг ехидно улыбнулся и сказал: «Ну, вроде ваша точка зрения на конференцию побеждает». Телеграфно – дальнейший разговор: Суслов, мол, тот принципиально держался в этом вопросе, не отступал. Но он лег в больницу. А Кириленко-де подлаживается… и повел линию на завал конференции под тем предлогом, что Брежневу будет очень трудна эта нагрузка! В ответ на эти «пояснения» я вновь произнес «краткую речь» на тему о том, что лучше пусть не будет конференции вообще, чем такая, какой она сейчас начинает складываться. Итальянцы (Сегре и Пайетта) в интервью о Рабочей группе в Берлине цинично девальвируют конференцию, прямо говорят, что гора рождает мышь, сводят общность взглядов участников до жалкого минимума, равного межгосударственным отношениям и явно предупреждают, что, уступив Москве и пойдя на конференцию, они используют ее для демонстрации «независимости» и пренебрежения к КПСС. В еще более грубой форме, с другой стороны, но к тому же результату (демонстрация отсутствия всякого коммунистического единства) ведут дело французы – интервью Канапа, новые речи Марше и т.д. Мы и так своей неуемной активностью сильно подставились: предстали перед всем фронтом антикоммунизма как партия, которой почему-то чуть ли не жизненно заинтересована в конференции. Но зачем нам она – перестала понимать даже буржуазная печать!

Б.Н. меня покорно выслушал и поручил подготовить (от руки, чтоб даже машинистки не знали) в пользу отказа от проведения конференции в этом году.

Между тем, с понедельника в Москве уже была группа немцев во главе с зам. завом Бруно Маловым, который вместе с Загладиным, Жилиным, Собакиным, Ермонским срочно готовила новый проект документа конференции (по результатам Рабочей группы), чтобы уже к концу октября обсудить его с испанцами, итальянцами, французами, югославами, для который уже были обозначены дни приезда в Берлин. За две недели до редакционной комиссии, которая должна собраться около 20 ноября в Берлине, этот проект надо разослать всем 28 Центральным Комитетам. Короче говоря, работа шла полным ходом. Немцы, стараясь сделать все как надо, чтобы услужить КПСС, наращивали темпы. И их уже насторожило, что Б.Н. отказался смотреть продукцию их совместной работы и визировать проект.

Вчера вечером, когда мы с Загладиным проводили главную редакционную комиссию по II тому «Истории и теории международного рабочего движения», нам положили на стол записку: «Пономарев едет с Политбюро, просит задержаться всех замов». Уже в девятом часу

мы были у Б.Н. Без подготовки он заявил нам: «Политбюро решило конференцию до съезда не проводить».

31 октября 75 г.

Решение ПБ было вызвано отнюдь не политическими соображениями (вроде тех, какие я излагал, сомневаясь в нужности этой конференции). Просто Брежнев понял, что ему не вытянуть «все это». На ПБ, как рассказывал Б.Н., понимали (и не скрывали), что зашли слишком далеко… Но, мол, ничего не поделаешь! Он пытался оправдываться: зачем же, мол, не сказали, не намекнули о такой «возможности» до берлинской Рабочей группы? Я бы тогда и дело повел соответственно, воспользовался бы капризом ФКП и свалил бы на нее вину. А теперь - как отруливать? И СЕПГ поставили, мол, в очень тяжелое положение. Но его успокоили. Мол, надеемся на ваше (Б.Н. и международников) «мастерство», чтобы выйти из этого без ущерба.

От Б.Н.'а (после того, как он объявил нам решение ПБ и порассуждал о тактике отруливания) мы переместились в кабинет Загладина. Возбужденные. Я наблюдал за Вадимом и Жилиным, которые без оглядки толкали Б.Н. на форсаж конференции и обрабатывали в этом духе и немцев и др. братские партии, - как они сейчас будут вести себя? Ни тени сожаления! Наперебой пустились цинично и с азартом перебирать все, что только приходило в голову, какие аргументы выдвинуть против конференции и как околпачить тех, кого затаскивали на нее, как свалить вину за перенос (а фактически провал) на других.

Б.Н. поручил нам всем обдумать и изложить на бумаге и тактику, и аргументацию. Поскольку я знал обо всем этом раньше их, я на утро быстро написал страниц пять – политическую мотивировку нецелесообразности конференции и как, примерно, донести это тем или иным партиям.

В пятницу Б.Н. принимал Малова, но ничего ему не сказал. Но тот почувствовал «потерю интереса». Позвонил в Берлин. Аксен по телефону напросился приехать в Москву немедленно. И в воскресенье он был здесь, встречался с Пономаревым и Катушевым. Б.Н. ему откровенно все выложил. Тот был расстроен. Рыпался, пытался что-то «доказывать». Но потом спохватился и сказал: «Раз Политбюро КПСС решило, интернациональный долг состоит в том, чтобы выполнять».

Сам Пономарев, перепоручив все это, переключился на наш новоогаревский международный раздел Отчетного доклада. Брежнев его попросил сделать замечания (хотя о том же его просил Суслов и текст он имел с начала месяца, но до брежневской записки он ничего не делал). Раздел ему не понравился.

1 ноября 75 г.

Все, - говорит Б.Н., - приземлено и все общеизвестно. Он считает, что невозможно отступить от «традиции наших съездов», - начинать надо с картины мира, соотношения мировых сил, отступления империализма и наступления социализма. Кризис дан «бледно» (вспомните, как Сталин на XVI съезде…. Правда, это Варга ему готовил…). Надо острее написать о потрясениях, о безработице, об инфляции и дать на фоне нашего «неуклонного подъема», наших успехов. Это выгодно нам сейчас преподнести – у нас нет кризисов, безработицы, инфляции. Компартии ждут от нас этого. Массы ждут. А «общеизвестно» потому, с его точки зрения, что в тексте подробно говорится о том, как складывались отношения с США, с ФРГ, Францией и т.д. (Он прав в том смысле, что там измельчено под давлением мидовского варианта, который прислал нам в Ново-Огарево сам Брежнев). Однако, что нового он, Б.Н., предлагает? Оказывается, сказать, что «природа империализма не изменилась», что он усиливает гонку вооружений, чтоб подорвать разрядку, что «мирное сосуществование не означает классового status quo», что надо усилить борьбу против империализма и т.п.

В этом духе он написал замечания (показывал их мне) и отправил прямо Брежневу. Правда, в окончательном варианте, несмотря на то, что несколько дней подряд воспитывал меня, что «природа империализма не изменилась», не написал этой формулы. Предложил там Программу мира поставить во главу отчета об успехах и выдвинуть Всемирную конференцию по разоружению, как главную идею, вокруг которой мы будем шуметь дальше в борьбе за мир и разрядку. Это, вроде как, следующая ступень после Хельсинки, т.е. Хельсинки-II.

Я не то что спорил, когда он мне все это говорил, но вяло и упрямо отбивался: чего мы достигнем этой своей классовой наступательностью в традиционном стиле? Ублажим Жоржа Марше? Вряд ли. У него совсем другая сверхзадача – отнюдь не вынудить нас к такой политике, чтобы мы, СССР, выглядели более революционно, а настолько дистанцироваться от КПСС, чтобы стереть всякую возможность связывать его с «приказами Москвы». Ему не дают спать лавры Каррильо и Берлингуэра в этом плане. Поэтому он ищет любого предлога, чтобы оскорбить и спровоцировать нас на скандал, на отмежевание от ФКП.

От Марше мы все равно ничего не получили. Да, мы понравимся (если поступим по Вашему) нашим верным друзьям – ГКП, Синисало, датчанам, австрийцам, люксембуржцам и, конечно, Гесу Холлу. Но в реальной политике они ни у себя дома, ни на международной арене ничего ведь не значат.

Однако, «классовое ужесточение», пусть даже словесное (но – с такой трибуны) может серьезно повредить генеральному направлению нашего внешнеполитического наступления – по линии мира и экономического сотрудничества. А это вещи реальные и с точки зрения возможностей хотя бы поубавить бремя гонки вооружений, и с точки зрения необходимых нам экономических связей с внешним миром.

Так что здесь надо выбирать между пропагандой (кстати, плохой и неэффективной) и политикой.

То же самое в отношении их кризиса. Да, они сами признают, что он очень глубокий. Может быть и в самом деле, относительно (по своим глубинным законам) он много сильнее кризиса 1929-33 годов. Но в отличие от того, что было тогда, капитализм неплохо справляется с ним. Тогда он был совершенно не подготовлен к удару. А сейчас в его распоряжении не только неизмеримо большее богатство и экономические ресурсы, не только отсутствие таких противоречий, которые тогда вели к войне между державами, но и международные механизмы, и психологическая готовность справиться с «этим вызовом», как они говорят. В самом деле, такой острый и длительный кризис привел к сокращению реального жизненного уровня всего на 1-2 %, да и то в некоторых странах. Но разве это можно сравнить с социальным опустошением 30-х годов?!

Б.Н. меня прервал заявлением: вы в плену наших либеральствующих ученых и западных пропагандистов. Вон какая инфляция: 16, 25, 34 %! А какие массовые забастовки!

Хорошо, - говорю я, - ведь этими забастовками рабочие вырывают повышение зарплаты сразу на 30-50 %. Этого тоже никогда не бывало. Безработица – да. Никто, кстати, и не говорит, что кризис - это благо для народа. Но ведь в некоторых секторах безработные получают больше, чем консультанты в ЦК КПСС…

Б.Н. озлился. И стал вновь мне внушать, что я под влиянием неправильных данных, фальсификаций.

Хорошо, говорю, если мы хотим всерьез «нажимать на разрушительные бедствия» и проч.. мы должны иметь данные, цифры. У нас их нет – ни от Институтов, ни от компартий. Где их взять? Выдумать. Иначе мы будем выглядеть очень несерьезно. Заниматься дешевой пропагандой с трибуны съезда, да еще Брежневу, который имеет вполне определенное реноме во все мире, - это легкомыслие. И ничего это нам не даст, кроме ехидных усмешек и в стране (мы покупаем хлеб у этих загнивающих империалистов), и тем более на Западе, в том числе - у тех же наших братских партий.

К тому же – опять надо выбирать: выгодно ли нам с точки зрения интересов нашей экономики и внешней политики танцевать канкан по поводу их кризиса и кричать «таскать вам не перетаскать»?

Б.Н.: Зачем канкан? Надо изложить, как есть.

Я: Во-первых, вы хотите не как есть, а пропагандистки жестче. А, во-вторых, это же политический доклад съезду партии, а не лекция о мировой экономике! И поэтому всегда стоит вопрос: зачем нужна в докладе та или иная тема с точки зрения политики?

Разумеется, я передаю не в тех словах и схематично, только суть. Разговор=спор был живой и сбивчивый, но основное в моем разглагольствовании перед Б.Н., думаю, передано правильно.

Подобным же образом развивалась на той неделе моя дискуссия с Б.Н.'ом по поводу его идеи дать в «Коммунисте» статью «Мирное сосуществование и классовая борьба». Я ему прямо сказал, что она будет прежде всего воспринята, как «ответ Жискар д'Эстэну». На это он отреагировал в своем стиле: не надо, мол, ссылаться на Жискара, хотя, конечно, ни одному идиоту не пришло бы это в голову. Идея Б.Н. опять же родилась из потребности «оправдаться перед Марше», сказать хорошим коммунистам, что мы, КПСС, тоже хорошие классовики и, хоть проводим политику мирного сосуществования, но от цели уничтожить империализм не отказываемся.

Статью мы сделали. Но, когда я принес Б.Н.'у текст, он не взял, а велел раздать замам, чтоб они ответили на три вопроса: нужна ли такая статья? Есть ли основа? Что добавить? И - конкретные замечания по тексту. Вот теперь замы этим и занимаются. Я попросил Загладина собрать все вместе и единолично доложить Пономареву.

Так что, Б.Н. мечется между государственным подходом и своей пропагандистско-классовой природой человека 30-50 годов. Он и с европейской-то конференцией компартий маху дал, так как перевес в нем взяло последнее. Ибо, если бы он всерьез и своевременно подумал – он убедился бы, что такая конференция не нужна. Тем более, что расползшийся кафтан комдвижения все равно уже обратно не слепить, да еще методами, которые только усиливают расползание.

На неделе Б.Н. принимал Морриса Чайлдса – члена Политбюро КП США, особо приближенного Геса Холла, порученца по «всяким таким делам»[8]. Б.Н. позвал меня. Формально Моррис приехал, чтоб информировать ЦК КПСС о недавнем их Пленуме (так сказать, плата за просьбу о финансовой помощи, в чем Б.Н. тем не менее отказал). Но в изложении, да и в самом докладе Г. Холла на Пленуме был и нажим на нас по части «мирного сосуществования и классовой борьбы» – в духе ФКП. Выражено «сомнение» в отношении статьи академика Арбатова на эту тему, где якобы имеет место отказ от тезиса «мирное сосуществование – форма классовой борьбы на мировой арене». Потом Моррис был у Арбатова, после чего тот, очень обеспокоенный, звонил мне и просил разъяснить Б.Н.'у, что американцы его неправильно поняли, так как «Нью-Йорк таймс» дала только выдержки из статьи, некоторые извратила – неправильно перевела.

Тем не менее, он матерно ругал и Морриса и Холла за то, что те лезут в наши дела и хотят, чтоб мы на весь мир опять орали о том, что своей политикой разрядки мы рассчитываем свергнуть империализм.

Б.Н., конечно, много знает и многим озабочен, он приучен мыслить крупно, так сказать, «теоретически». Но, сведения, которые он потребляет в огромном количестве ежедневно и из шифровок, и из ТАСС, и из бесед с КП, отрывочны, разнохарактерны и противоречивы. У него нет ни времени, ни сил синтезировать их. Когда он их пытается обобщать, они – по закону экономии энергии – ложатся на древние схемы «теории», заимствованной в конечном счете из Сталина, хотя он искренне это отвергает и был бы возмущен, если бы ему об этом сказали.

Все-таки ему за 70. И он реагирует на информацию функционально, как добросовестный чиновник. И только в остаток усталого времени начинает думать о перспективах и последствиях.

---

[8] Теперь, в 2001 году, выяснилось, что он на протяжении десятилетий был внедренным в КП США агентом ЦРУ.

Да я и сам в силу моего собственного чиновного положения и в силу принадлежности Б.Н.'а к тому руководящему кругу, который согласно массовой психологии, все должен знать, понимать и проч. – по всем этим причинам я невольно ищу у Б.Н.'а ответов на наши «великие проблемы». Тут я похож на человека с улицы, который считает, например, что Брежнев все должен видеть и знать – и о ситуации в литературе, и о том, что есть и чего нет в магазинах, что происходит на транспорте, и про воровство и про бардак в администрации, в экономике, везде. Словом, - про все. И все должен исправлять сам. Это еще наследие царистского сознания, которое революция опрокинула, но и возродила в другой форме, а Сталин восстановил, усилил и закрепил железобетонно.

У меня оттиск выступления Вилли Брандта в Лондоне. На меня оно произвело впечатление масштабом политического мышления. Мне кажется, что с точки зрения интересов Запада здесь выражен оптимальный подход к проблеме противоборства двух социальных миров. И у нас должен быть подход такого же масштаба, с точки зрения интересов своего, социалистического мира. А у нас его нет. И не только потому, что мы в плену отживших идеологических штампов, от которых боимся отказаться. А еще и потому, что такой подход предполагает много денег, материальное богатство, которое хотя бы приближенно можно было бы сравнить с американо-европейско-японским.

2 ноября 75 г.

Было отчетно-выборное партийное собрание. Обычная проформа. Но поскольку такое бывает раз в году, выступал Б.Н. Говорил банальности, которые можно было произнести и 10, и 5, и 25 лет назад. Будто ничего не происходит в МКД, будто все по-прежнему здесь здорово и гладко, только вот «непонятно, мол, французы как-то не так себя повели» и т.д.

Есть у нас один зав. сектором по Скандинавии, в отделе лет 30, тупой и подло хитрый. Ему надо показать свою принципиальность и он задел меня в своем выступлении (мол, не просвещаю сектора, что делать с социал-демократией, а только езжу за границу на всякие совещания по этой теме, результатов же, мол, никто не знает). Вздор и мелочь, но все обратили внимание: зам. зава публично критикует! С точки зрения служебной ход это сотрудника – явная нелояльность Я бы мог его вызвать и врезать. И никакой партком не заикнулся бы насчет зажима критики. Но мне плевать. Однако, примечательно, что он осмелился это сделать в отношении меня… Почему? Либо потому, что считает (как и немало других), что у меня недостаточно фактической власти, чтоб «прижать», либо потому, что думают, что по моей интеллигентности я не стану мстить.

Читаю Виктора Афанасьева. Сборник «Где-то гремит война». Это один из тех, кто представляет нашу великую современную советскую прозу. Огромный мастер. В каждой из повестей или рассказе есть место, где невозможно удержаться от взрыва переживаний.

8 ноября 75 г.

Второй день праздника. Вчера был на параде и частично задержался посмотреть демонстрацию. Обратил внимание на выдержанную в миролюбивом духе не стандартную речь Гречко с Мавзолея: упомянул даже «Союз-Апполон». И, что особенно любопытно, парад был дан в «оборонительном варианте». Новинки – ракетные установки по низко летящим самолетам, пехотная ракета «Стрела» и без ракет стратегического назначения.

Пошел и на прием в Кремлевский Дворец съездов. Брежнев сам сказал тост – тоже довольно мирный. Потом пошутил, предложив маршалам и генералам ухаживать за дамами. (А дамы там разные, - все шикарно одетые, но очень мало, кто со вкусом). Был один эпизод, на который все обратили внимание: патриарх Всея Руси со своей свитой, уже, видно в поддавшем состоянии, направился в сторону президиума, Брежнев поднялся ему навстречу. Они обнялись и минут пять говорили на глазах, как говорится, у изумленной публики. И затем патриарх прошествовал через весь зал к выходу.

С 3 ноября мы опять в Ново-Огарево (Александров, Блатов, мы с Карэном и Шишлин). Загладин бывает наездами. Участвует только в обсуждениях. И явно не хочет ангажироваться. А Карэну «интимно» сказал, что текст скучный и что надо усилить «классовость», что от болтовни о разрядке выиграли все, и Запад, и Восток, – ерунда, Хельсинки состоялись и «Бог с ними», надо держать курс на отщипывание от империализма кусок за куском и т.д. Не поймешь – то ли он набрался этого где-то в верхах, то ли сам придумал под влиянием французов.

Между прочим, замечания, которые были получены на августовский наш текст от Брежнева и, особенно, от Громыко дают основание думать, что Загладин, хоть и забегает вперед, но в «нужном направлении».

Брежневские замечания очень неопределенны и не отформулированы. Он прослушал текст, что-то отчеркнул сбоку или под строчками по принципу «догадайся, мол, сама», поставил знаки вопроса кое-где, а в отношении оценок по части «установления мира» сказал, что надо сдержаннее и осторожнее.

А Громыко, хоть и «высок одобрил» текст, по существу отверг всякую разоруженческую перспективу, практически исключил возможность сдерживания гонки вооружений, дав понять, что это нам невыгодно и что не надо тут очень уж повязываться, мы, мол, на это не идем. Мы все рот разинули, а Александров нервно заявил, что он с этим не может согласиться.

Андропов же, напротив, вроде вполне одобрил курс, изложенный в нашем тексте - на то, что дальнейшая разрядка по существу лишается реальной перспективы без акцента на устранение гонки вооружений.

9 ноября 75 г.

По моему разделу («КПСС и революционный процесс») никто, собственно, замечаний не сделал. Но Брежнев наставил вопросов возле абзацев о региональных конференциях компартий и сказал, что «стиль лекционный». И весь текст надо сокращать более, чем на треть. В этот раздел теперь передается тема кризиса, которую надо уложить на полутора страницах и чтоб «без разных там терминов и учености», но чтобы новое было видно. Вообще – не приведи Бог занятие: употреблять все силы ума и нервов на то, чтобы отразить сложнейший современный мир наипримитивнейшим языком, да еще на то, чтобы некоторые мысли выглядели по-марксистски. Например, заказчик сделал такое замечание: нужно четче определить, что такое революционный процесс, нужно, чтобы было видно, что это борьба за независимость и мир!

15 ноября 75 г.

Еще одна неделя полностью, безвылазно проведена в Ново-Огарево. Мученье тратить силы на примитивизацию даже таких вещей, которые в «Правде» излагаются более или менее интеллигентно.

После переделки доклада по замечаниям Громыко, Андропова, Пономарева, Катушева и, конечно, самого докладчика , нам удалось его сократить с 58 до 47 страниц, а надо - до 40 и даже до 35. Но даже при этом объеме текст на глазах сохнет, а любая украшательская словесность требует места. Еще, видно, будем сидеть неделю, заниматься сокращением.

20 ноября 75 г.

Вчера забрел ко мне Сашка Бовин. Он только что вернулся из поездки в Грецию, Турцию и на Кипр (как обозреватель «Известий», но с нашим заданием). Написал, говорит, оттуда несколько телеграмм, думая помочь нашей политике. А вернувшись в Москву,

обнаружил, что выше зам. министра иностранный дел никто на них не обратил внимания. Обычная ситуация.

Бовин продолжает сидеть в группе на Волынском-II. (Экономический раздел Отчетного доклада). Заодно они там подготовили Генеральному речь на Пленуме, который состоится 2-го декабря по плану на следующий год и вообще по экономике (предсъездовские проблемы). Брежнев встречался с ними. Один, по выражению Бовина, музыкальный момент: мы вписали, что пришлось закупить зерно за границей. Генеральный велел выбросить. Стали доказывать: мол, все знают и могут сказать. Он: «Пока мы живы, никто ничего не скажет. А умрем, тогда пусть говорят!» Между тем, заготовки зерна составляют 50 млн. тонн, а на 30 млн. есть решение ПБ купить за границей, 24 уже закупили… И тем не менее, действительно пока никто ничего не скажет.

У меня самого и от Ново-Огарево, и от сегодняшнего разговора с Пономаревым такое ощущение, что Генеральный почти недееспособен. Помощники – Александров, Блатов – никакого выхода, даже телефонного на него не имеют. Члены ПБ и Секретари – только через зав. Общим отделом Черненко. Велено «не тревожить».

Александров перед отъездом ничего путного не мог нам сказать, какое же дальнейшее будет движение съездовского материала. Ему известно только то, что и нам было известно от Б.Н.'а еще перед отъездом в Ново-Огарево: на ПБ Брежнев сказал то, что он с 1 января отключается, едет в Завидово и целиком посвятит себя подготовке к съезду.

Прошла в Берлине редакционная комиссия по подготовке злополучной конференции компартий. Б.Н. не поехал. Поехал Катушев с Загладиным. Сегодня читал их отчетную шифровку: докладывают в ЦК, что не нужна перед съездом конференция, где будут демонстрироваться разногласия. Т.е. то, о чем я твердил и Загладину, и Пономареву, начиная с августа месяца.

21 ноября 75 г.

День суматошный. Б.Н. позвал меня. Спрашивает, читал ли я совместное интервью Марше-Берлингуэр после их двух встреч в Риме и Париже. Там они совместно и окончательно заявили, что пойдут к социализму только через максимальное расширение демократии, что советский путь решительно им не подходит, хотя Октябрьская революция и вклад Советского Союза в мир – огромное дело, что условие движения вперед – союз всех демократов и не только демократов, что единство с социал-демократией по существу пора поставить на одну доску с тем значением, которое раньше придавалось единству компартий, что единство этих последних возможно по отдельным вопросам, например, по европейской безопасности в развитие Хельсинки. Для этого только и нужна, мол, конференция компартий Европы.

Я давно ему говорил, что не вижу принципиальной разницы между позицией ИКП и ФКП по программным вопросам и что критика французами нашей внешней политики якобы «слева» – это не левизна, а антисоветизм, нужный для утверждения национальных позиций партии.

Но он уже не в состоянии проникать под поверхность. Обилие информации скользит по нему, не проникая под полицейский уровень мозга. И по-прежнему слепая вера в то, что, если, например, «Правда» выступит со статьей, то все сразу встанет на место.

И на этот раз, вызвал стенографистку и начал диктовать схему статьи о том, какая хорошая наша демократия и критикам надо ее знать, прежде чем критиковать. А те, кто ничего знать не хотят, тех все равно не исправишь. И все это при его-то информированности! Он не хочет понять, что главное, почему они (КП) от нас отмежевываются – это отсутствие с их точки зрения в структуре нашей демократии гарантий против сталинизма. Ведь, как ты, так и они противопоставляем антикоммунистической пропаганде в этом вопросе только одну гарантию – добрую волю КПСС. А на Западе в такую гарантию никто не верит, а некоторые даже ссылаются на исторический материализм.

Прочитал новую книжку Реже Дебре «Критика оружия» (автор знаменитой «Революции в революции», соратник Че Гевары по Боливии). Очень крупный ум и почти ленинского масштаба анализ латиноамериканской ситуации.

Егоров – директор ИМЭЛ'а – прислал отзыв на рукопись I тома «Истории и теории международного рабочего движения». Положительный. Это мне пригодится против Пономарева, который до сих пор трусит и ворчит (вместо того, чтоб полистать рукопись или верстку), и в мое отсутствие говорил опять Тимофееву, что, мол, Введение-то переделывали раз пять и весь том, должно быть, такой. Я решил до выхода в свет тома вообще больше с Б.Н.'ом на эту тему не разговаривать, поставить его перед фактом. Иначе можно загубить все издание, в котором заняты сотни людей и вложены десятки тысяч рублей, зарплата и проч.

23 ноября 75 г.

Вчера был в музее изобразительных искусств. В основном зале - итальянцы XVI-XVII веков. Пара Караваджей и 5-6 картин из Неаполя. Для тех, кто был на Западе, скучно: таких картин в каждой европейской столице навалом. И наша публика весьма равнодушна (кроме прилежных девочек и пенсионерок, который записывают на бумажку названия картин и художников).

Но зато в боковых галереях – французские современные художники. Почти ни одной абстракции, разве что тянет на абстракцию «Луч лазера». Один художник – одна картина. Всего не менее 200. Помимо эпигонства под раннего Пикассо, Дега и проч.

Особенно поразительно: верещагинская тщательность в выписывании деталей, но уровень одухотворенности (через мастерство впитавшее в себя весь изыск нашего века) – несравненно. И очень все «не наше». Сюжетность, предметность как в лучших образцах русской классики, но ничего похожего. И ощущение совсем иное.

Вчера начитался всяких рефератов, особенно по социал-демократии. В духе вышеупомянутой речи Брандта. Социал-демократия обгоняет коммунизм, так как опирается на эффективность, мощь и богатство современного капитализма. И если раньше буржуазия использовала социал-демократию, когда ей было нужно, то теперь социал-демократия использует капитализм в интересах своего «демократического социализма» и победы над коммунизмом. Мы будем пока ехать на коне мира (они готовы нам не мешать и даже помогать, чтоб мы скорее загнали этого коня), они будут ехать на коне экономической эффективности, используя «блага мира» и разрядки.

Наше идеологическое оружие в борьбе с ними – только архаичная риторика. Политически мы уже блокированы в борьбе против них, ибо они главный наш социально-политический партнер в борьбе за разрядку.

24 ноября 75 г.

Разговор с Загладиным, участвовавшим в берлинском заседании редкомиссии по конференции компартий Европы (17-19 ноября). «Верные» партии (Австрия, Ирландия, ФРГ, Бельгия, Дания) говорят tête-à-tête: мы перестаем понимать КПСС. Вы подгоняли нас с этой конференцией. Мы старались вас поддерживать, подстраивали под ваши нужды свои дела и интересы. И вдруг: stop! Хоть бы предупредили! Правда некоторым пришла через посольство очень невнятная информация. Послы ведь понимают (и знают) еще меньше, чем мы сами. А главное – никаких объяснений. На самой комиссии сначала примерно десяток «верных» выступили за скорейший ее созыв, выразив при этом готовность снять еще некоторые свои замечания и предложения к проекту документа, лишь бы облегчить дело. Но потом – после того, как вывалили кучу замечаний румыны, испанцы, шведы и проч. и стало ясно, что дело идет к полной девальвации документа, после выступления Катушева, они стали что-то понимать и, вторично выступая, отруливали наоборот, настаивая на тщательной подготовке

документа. Сама необходимость такого крупного маневра на глазах у всех, при всей ловкости выступлений, например О'Риордана, обидела «верных».

С газу на глаз они говорили: мы, конечно, осуждаем антисоветские упражнения Жоржа Марше. Но какой-то резон за такими вещами есть. Нам становится непонятным, как вы, КПСС, разрешаете проблему сочетания своих государственных и партийных интересов и приоритетов. Огромный поток приемов разных государственных деятелей – и полное прекращение в последние два года приемов и встреч на высоком партийном уровне. Встречи с Арисменди и Орнедо 7-го ноября – это, по-видимому, где-то мимоходом не то на параде, не то на праздничном приеме. Немец говорит: товарищ Мис уже 4 года председатель ГКП, десять раз мы просились на визит и прием (пусть даже не на уровне Брежнева) – безрезультатно. Больше напрашиваться не будем. (Кстати, с августа по октябрь ИКП трижды просила, чтоб Берлингуэра принял Брежнев. Им даже путно не ответили). Шарф (КПА): КПСС помогает нам и деньгами, и другими средствами. Но в наше время этого недостаточно. Коммунистам нужна политическая помощь. А когда все-таки удается прорваться на какой-то уровень беседы в ЦК КПСС, мы слышим одно и то же, очень правильное, но такое, что мы знаем с юношеских лет – «надо работать с массами», «надо увеличивать численность», «нужен союз левых партий» и т.д. А нам хотелось бы конкретного и компетентного разговора с КПСС: что делать конкретно в нынешних конкретных международных условиях. Ведь у вас никто всерьез не знает и не знаком с нашей работой и нашим нынешним положением. [Тут Загладин пытался возражать].

Складывается впечатление, говорят "верные", что КПСС потеряла интерес к коммунистическому движению, что она склонна «делать дела» по государственной линии вместе со своими союзниками по Варшавскому пакту. Чего ж тогда удивляться, что появляется сначала Брюссель (конференция КП западной Европы, январь 74 г.), а потом теперь и «историческая декларация» Марше-Берлингуэр, которая легализует особый путь комдвижения капиталистической Европы и открыто отмежевывается от опыта КПСС, даже не упоминает соцстраны в рамках борьбы за демократию, социальный прогресс и социализм, отводя Советскому Союзу лишь действительно выдающуюся роль в вопросах разрядки, мира и проч. Хельсинки.

Я спрашиваю у Вадима: «Ты Б.Н.'у это все рассказал?»

- Да.
- Ну и что?
- Ничего. А что он может?! Он-то все понимает.

Кстати, по возвращении из Ново-Огарево, когда я встречался с Б.Н. по другим делам, он вдруг разразился матерно по поводу того, что вот «этого паршивого Леоне принимают, а Берлингуэра чтобы приняли, три месяца не можем добиться».

В самом деле: силою обстоятельств сложилось так, что мы все больше склонны смотреть на МКД, как на орудие своей внешнеполитической пропаганды (больше оно нам ни зачем не нужно!), но в еще большей пропорции мы потеряли реальную способность использовать его даже для этой цели.

Разумеется компартии ищут причины. Они, как и советологи на Западе, подверженные формальной логике, выводимой ими самими из наших доктрин, придумывают разные концепции, конструируют логику нашего поведения.

Она, возможно, и есть. Но это не логика поведения, т.е. не продуманная политика, а логика объективная – неизбежный результат развития структуры власти. Им и в голову не придет, т.е. они не позволят себе допустить, что дело обстоит примитивно просто. Брежнев стар, устал и болен. Он способен на крайний минимум осознанной политической активности. Другие тоже стары и тоже немощны, например Суслов, который «ведает» партиями. К тому же, все замкнуто на первого. И там, где его нет, нет и значимых для дела решений. Громыко, друг Брежнева и нахал, в этой ситуации использует любую возможность, чтоб навязать Брежневу тех, кого он, Громыко, считает нужным: того же Леоне и т.п. А Пономарев уже и доступа-то , даже телефонного не имеет к Брежневу. Некому даже и предложить того же Берлингуэра ему на визит, объяснить зачем и почему.

Ситуация ведь такова, что вот состоялась знаменитая Декларация Марше-Берлингуэр. По оценке мировой печати – это «исторический поворот», знаменующий конец традиционного ленинского коммунистического движения, в котором социалистические страны (в той или иной форме) лидировали и были авторитетом, с которым при решении любого вопроса считались в первую очередь.

Но ведь я могу поклясться, что Брежнев даже и не слыхал про это событие. О какой же политике, о каких приоритетах вообще может идти речь при таком положении. Да и вообще – Секретариат или Политбюро – разве они, как решающий орган, обратили внимание на эту Декларацию, дали ей оценку, сделали выводы для политики?! Нет и не сделают. Значит, нет и самой нашей политики в отношении МКД. Есть спорадические, инерционные связи, политическое и идеологическое содержание становится все более неопределенным, расплывчатым и, конечно, оно все больше ускользает от внимательных наших друзей. И, естественно, что они в растерянности.

29 ноября 75 г.

Брежневу Ромеш Чандра[9] (стоивший советскому народу, говорят, не менее семи химических заводов) вручил еще одну медаль: имени Жолио-Кюри. Объявлено это было в Ленинграде, на сходке движения за мир. Туда выезжал Шапошников. Сразу после объявления о награждении Шапошников получил взбучку от Б.Н.'а по ВЧ. Кто-то из вышестоящих коллег Б.Н.'а строго спросил у него: а почему они ничего не знали об этом награждении заранее! Для Б.Н.'а такой вопрос звучал как подозрение в выслуживании на индивидуальной основе. Но, по мнению других, в вопросе содержался и скрытый смысл: «не довольно ли!». Однако все прошло как надо. «Все присутствовали в Свердловском зале. Б.Н., который сидел в створе юбиляра (по TV), напряженно вслушивался в заливистую речь Чандры («не сказал бы чего лишнего!» А он, кстати, и наговорил не того). И вся печать и прочие средства массовой информации, не говоря о советском народе как он есть, третий день только этим и живут!

Вчера я прочел речь Брежнева на предстоящем 1-го декабря Пленуме ЦК. Сочиняла ее команда Бовина-Арбатова-Цуканова в Волынском-II. Очень умело и умно все сделано. По объемам производства ни одна предшествующая пятилетка не дала таких показателей. Однако, 160 млрд. рублей – потери в национальном доходе из-за двух неурожайных лет (а в 1975 году засуха такая, какой не было 100 лет). Будут «трудности с молоком и мясом. Опасность массового падежа. Возможен новый неурожай в 1976 году. Главное же: «Б» так и не опередила «А», вопреки решениям XXIV съезда. «Не отказались ли мы от этой установки? Нет. Но мы и не научились еще ее обеспечивать». В качестве примера, что мы «умеем, когда хотим» приводится Тюмень (весь прирост нефти, газа в стране за счет Тюмени). Сам говорит «не пожалели средств и сил». Так что, как пример не получается. В легкую промышленность не дали того, что обещали даже приблизительно. За ее счет соревнуемся с США в гонке вооружений. И опять на 1976 год закладывается рост «Б» только на 2,7 %!

«Не умеем работать!» Действительно, печально, когда вкладываем суммы в производство мощнейших тракторов К-700 и Т-150, а навесных орудий к ним не делаем. И используются они лишь на 50 % своих возможностей. Или: вбухиваем несметные деньги в производство хлопка, но текстильное, швейное, красильное хозяйство настолько устарело, что конечная продукция ложится мертвым товаром в магазинах. Однако, вряд ли здесь дело в головотяпстве. Дело опять же в том, что на К-700 денег с грехом пополам хватает (к тому – престижно), а вот на «добавки» к нему – извините, их нет!

При всей умелости речи тревожит, что главная методика на будущее – то же самое, что говорилось и на XXIV съезде и на Пленумах. И, очевидно, пока не произойдет «психологического» перелома насчет гонки вооружений, ничего другого и не предложишь. В ответ Чандре при вручении медали Брежнев искренне и взволнованно опять и опять перед

[9] Председатель просоветского Всемирного Совета мира.

лицом всего мира связывает себя с миром. Но объективная-то логика остается: мир через угрозу силой. Американцы откровенно и публично следуют этой логике. Но им проще: они вбухивают в гонку значительно меньшую долю национального дохода, чем мы, и технологически уже выходят на такой уровень современного оружия, когда вся наша атомная и танковая мощь в один прекрасный день может превратиться в груду бессмыслицы. Неужели мы еще верим, что американцы на нас нападут, если остановимся в гонке?!

В этом контексте, как расценивать доклад комиссии Черча о ЦРУ, которая на протяжении почти 20 лет организовывала убийства то Кастро, то Лумумбы, то Шнайдера и проч. неугодных политических лидеров? Скорее всего они безумно, до умопомрачения боялись нас, боялись коммунизма. Выглядят они, конечно, весьма гнусно теперь. Однако поразительно, что мир не поразился. Мол, от современной политики все можно ожидать. Самое лучшее и мудрое – не обращать внимания на их провокации, в том числе на гонку, которую они нам навязывают и которая есть не что иное, как провокация в наш адрес. Раз решить: не боимся мы вас и займемся своими делами, поплевывая на все «страхи», которые вы на нас напускаете. Видимо, в этом примитиве – единственный выход и выбор.

28 декабря 75 г.

С 15-го по 27 декабря были в Завидово. Подготовка речи Брежнева к XXV съезду.

Вернулись туда вчера вечером. Но до отъезда масса событий, которые придется только пометить.

8-го декабря была партконференция аппарата ЦК. Я был избран в редкомиссию, поэтому слышал, что говорили отрывочно. Но успел заметить, что наряду с бюрократическим ритуалом, полной запрограммированностью всего хода конференции – от открытия до выборов и нужного количества упоминаний Брежнева – прозвучали и некоторые любопытные вещи. Особенно Гостев (зав. Отделом плановых органов), желчный и умный прагматик. Например, 95 % предприятий не выпускает никакой продукции высшего качества, 2/3 министерств не выполнили план. Пришлось перевести в распродажу (из-за низкого качества и старомодностью) на 2 млрд. продукции ширпотреба, но она все равно осталась на полках. Секретарь партбюро из КПК навалом давал факты о коррупции на всех уровнях – от облисполкомов и республиканских министерств до журналистов и хозяйственников. Оказывается, Насрединову, длительные годы бывшую председателем Совета Национальностей СССР, сняли, а потом и вывели из ЦК за невероятные аферы с дачами, домами, шубами и машинами. Свадьба ее дочери обошлась государству чуть ли не в миллион рублей.

В тот день – совещание замов у Б.Н. о положении в МКД. Он рассчитывал, что мы будем говорить лишь о том, что надо сделать с итальянцами, которые (коммунисты-сенаторы во главе с Пайеттой) потребовали в парламенте мер перед советским правительством по поводу отказа выпустить Сахарова в Осло. Но мы, я начал, Загладин продолжил, стали говорить о «глубоких тенденциях», о том, что Декларация Марше-Берлингуэр – это оформление нового направления МКД, которое рвет с традиционным, ленинским, советским, и что, хотя в Москве сделали вид, что этого не было, нам придется реагировать. Не перед съездом, конечно, чтобы не превращать его в символ развала МКД, а вообще и после. Можно поступить двояко: есть «югославский вариант». Месяц назад по решению ЦК была подготовлена и опубликована в «Правде» заметка по поводу гонений коминформовцев (они продолжаются в Югославии уже 3-4 месяца и приобрели характер массированной идеологическо-репрессивной кампании. 200 человек арестовано, причем не делается тайны, что коминформовцы – это агенты Москвы). Так вот, в этой статье КПСС осудила коминформовцев словами югославской печати, как предателей и контрреволюционеров. Таким образом, мы сказали югославам – «делайте, что хотите, и идеология, и внешняя, и внутренняя политика – это ваше дело. Для нас важно лишь – не ругаться с вами и чтоб вы продолжали быть «социалистической страной». С ФКП-ИКП-Испанской КП и всей

тенденцией, о которой идет речь, можно обойтись так же: делайте и говорите, как хотите, но не лейте на КПСС, и тогда между нами и в МКД будет все в порядке. Именно этого они и хотят от нас добиться, однако, как и югославы, они настаивают на своем праве нас критиковать и от нас отмежеваться (особенно по вопросам свободы слова и администрирования в идеологии). Причем, делают это провокационно. Последний пример, когда Марше и «Юманите» подхватили какую-то фальшивку с каким-то тайно кем-то заснятым документальным фильмом о трудколонии под Ригой и начали опять нас осуждать за «политических заключенных по идеологическим мотивам».

Но я отвлекся… Б.Н. нервно нас слушал, потом пренебрежительно «отвел» наш анализ объективных причин Марше-Берлингуэра и К^{о}, сказал, что главное – «в персональном моменте» и «перешел к очередным делам». Он явно не хочет присутствовать (как в свое время Черчилль при развале Британской империи) при развале МКД. Однако, развал идет и нам придется к этому приспосабливаться. (Пока для доклада Брежнева на XXV съезде я сделал вариант в основном в традиционном духе, но примирительный).

Я думал на Ново-Огареве кончится мое участие в подготовке Отчетного доклада. Вызов в Завидово был неожиданным. Позвонил Александров и передал команду Генерального. На этот раз получилось так, думаю, потому, что Александров заподозрил Загладина в желании дистанцироваться заблаговременно от Брежнева, который из-за прогрессирующего маразма неумолимо сходит на нет. Намеки такие в адрес Загладина Александров делал и мне, и Брутенцу еще в Ново-Огарево. Воспользовался он и тем, что Вадим должен был в это время ехать в Рим, а потом в Берлин.

Так вот в Завидово на предпоследний виток Отчетного доклада была вызвана новоогаревская команда: помощники Александров, Блатов, Русаков и мы с Брутенцем.

Прежде всего: вопреки ожиданиям и опасениям, связанным с телевизионными впечатлениями и слухами в аппарате, которые подкрепляются длительным отключением Брежнева от дел, я его нашел в более или менее нормальном (для него) состоянии, т.е. таким, каким я его помню по прежним посещениям Завидово 4 и более года назад. Едва ли он меня вспомнил, хотя с 1967 года я раз 5-6 был в Завидово. Брутенц же для него явился совсем новым человеком. Однако, он не стеснялся держать себя так, будто мы, ничего не значащие родственнички. Рискованно и грубовато балагурил с женщинами (стенографистки, машинистки, врач, сестра, официантки). Те, кто давно с ним, принимали это спокойно, а новые, например, машинистка Валя, терялись с первоначалу. Минутами казалось, она вот-вот упадет в обморок. Например, за завтраком: «Ты что, губы-то так ярко намазала? Это, чтоб не прикасаться к тебе что ли? Но я ведь не посмотрю…» Потом, увидев, что она вся смешалась, говорит: «На, вот, возьми пирожок (подает ей из блюда, хотя перед ней стоит такое же)… Что ты уж так! Я ведь шучу!»

Каждое утро за завтраком он подробно рассказывал нам, как он провел ночь. Он плохо спит и постоянно на это жаловался. Например, однажды: «Лег в безрукавке, а я не люблю, когда руки открытые, летом – другое дело… Встал, накинул халат – мало ли может докторша зайдет. Пошел к столу, думал выпить молока, люблю можайское, хвать, а его нет, доктор спер. Или сам выпил (доктор, Михаил Титыч, молодой хваткий врач, отнекивается, отшучивается). Пришлось боржомом удовольствоваться. Позвонил Володе (охранник): принеси, говорю, газету – дай, думаю речь Суслова в Гаване почитаю. Тот принес, но читать расхотелось. Пошел было спать, но вспомнил про безрукавку, снял ее. Достал из шкафа свою любимую рубашку, ей лет 15, заштопанная вся и сразу успокоился, потому что привык к ней… Валя, там дырка еще одна образовалась. Придешь завтра ночью заштопать? А то у меня полпостели пустует (все смеются, а зубастая опытная другая Валя, которая Мишустина, стенографистка, подмигнув другим, озорно говорит: «Конечно, Леонид Ильич, только вы смотрите не раздумайте!»

Или: рассказывает, наклонившись к соседке по столу – Вике (Виктория – самая давняя при нем стенографистка, женщина лет тридцати, миловидная, умная). «Не помню, по какому случаю надо было мне очистить желудок. Доктор дает какие-то шарики. Ем два, потом

три. Потом горсть – никакого результата. Все в больнице поражены, никогда такого не видывали. А мне хоть бы что. Но часа через полтора, как взорвет – прямо хоть на Луну лети ракетой. Все немножко смущены, но принимают, как нечто обычное».

Или: начнет подробно рассказывать, как он брился, как пошел в бассейн, как долго размышлял во что одеться, начинал расхваливать какую-нибудь свою куртку или фуфайку, вспоминать, откуда она у него взялась. Однажды пришел в куртке, которую, говорит, не одевал лет 15, забыл, что она существует и обнаружил глубоко в шкафу.

Объявил нам как-то, что из вещей любит часы и оружие. Действительно, часов у него целая коллекция. К дню рожденья, 19 декабря, ему еще надарили. Министр электроники Шокин подарил какие-то замысловатые, электронные, без циферблата, показатели времени «выскакивают» каждую минуту. Долго разъяснял нам и показывал, как они действуют.

Однажды, явился в «зимний сад», перепоясанный военным ремнем, с кобурой американского типа (рукоятка наружу). Мы заинтересовались, окружили его. Он картинно выхватил пистолет (вообще он явно не лишен актерского дара, говорил, что в молодости, когда учился в Курске, подрабатывал статистом на сцене) и наставил его в живот Арбатову. Тот отпрянул. «Не бойсь, академик, я шучу!» Объяснил нам, что взял у ГБ'шников этот уникальный бесшумный пистолетик, который, однако, обладает огромной останавливающей силой, не меньшей, чем «кольт», подаренный ему в США артистом-ковбоем. Показывал нам в другой раз и этот «кольт». Рассказал, как он из этого пистолетика добивал раненного кабана, прошил его насквозь, а тот все еще сучил ногами и, когда отошли, вскочил и еще метров 50 пробежал. «Вот, силища! Удивительно живучий зверь!»

Все: ах, ах, какая живучесть, подумать только!

Об охоте (а он ездит на охоту через день часа на два, на три) рассказывает много и за трапезой и в ходе работы над текстами: «Залезли на вышку, ждем. Нет и нет. Вдруг целое стадо. Первый вышел из-за дерева: я его раз – готов! Другой за ним: я его раз – готов! И так подряд восемь штук, без промаха! А зверь-то ведь чуткий и умный. Но видит только на уровне своих глаз. То, что над ним, а мы ведь на вышке, не видит. Зато нюх и слух изумительные. За километры чует, если ветер переменится и пойдет «от охотника» – сегодня не жди, охоты не будет».

И т.д. каждый день что-то в этом роде.

1975 год. Послесловие.

Год Хельсинки. Год получения Сахаровым Нобелевской премии мира. И, наверно, не случайно, что именно в это время обозначился, если не разрыв, то противоречие между государственной политикой разрядки и деятельностью на международной арене правящей коммунистической партии, КПСС.

При всем лицемерии, тайных надеждах обмануть и обыграть Запад («империализм»), советское руководство предпочло в определенном смысле придерживаться хельсинского Заключительного Акта. Из записей видно, что олицетворял эту установку Брежнев, «послепражский Брежнев». Он действительно, «натурой», не будучи способным «умствовать» по этому поводу, был **за мир**. Он, пожалуй, единственный в советском руководстве ощущал громадную ответственность своего положения за недопущение мировой войны, ядерной (слово «осознавал», пожалуй, не подходит для его мыслительных способностей).

Но, если Генсек сверхдержавы так считал – это по тем нашим временам было более, чем достаточно.

При Брежневе, однако, разрядка не могла стать необратимой, перерасти в нечто большее. И прежде всего потому, что он бдительно берег основные опоры системы и поощрял их укрепление, - такие, как ВПК, КГБ, закрытость общества, цензура, репрессивная идеология, фактически сталинский механизм и аппарат управления, назначение кадров сверху донизу.

Все эти опоры власти давно изжили себя как «инструмент» служения интересам народа - в том смысле, какой по идее закладывала в них Великая революция 1917 года. Но они всегда – и чем дальше, тем больше – были по самой своей природе враждебны внешнему миру, наиболее динамичной и прогрессивной его части. Поэтому потенциально были носителями военной угрозы.

В томе много наблюдений над личностью Брежнева, эпизодов и фактов, свидетельствующих о его интеллектуальном и культурном убожестве. В его бытовом поведении, в манерах, в причудах и пристрастиях было много смешного, постыдного, позорного, унизительного, наряду с добродушием и щедростью. В отношениях с людьми «всех рангов» в нем сочетались плебейский демократизм и провинциальное российское барство.

Ладно, когда тысячи людей на каком-нибудь собрании или съезде заходились в овациях при его появлении и после каждой сказанной им фразы. Это – официальный ритуал, ничего не поделаешь, здесь индивидуальность теряется, как в толпе. Но, когда в узком кругу, при подготовке ему доклада или какого-нибудь другого материала с его участием, взрослые дяди, доктора наук, профессора, люди культуры, не меньшие, чем он, участники Войны умиляются его пошлой фамильярностью, хохочут над его дурацкими шутками, млеют от его ласкового слова, поддакивают и восторгаются его банальностями, становится совсем тошно, тем более, что сам себя при этом глубоко презираешь.

В этом году уже явственно сказалась его болезнь, которую я назвал бы «волнообразным маразмом» со все более краткими периодами «просветления». Какое еще нужно доказательство утраты системой жизнеспособности, ее прогрессирующей деградации, если во главе великой страны стоял (в течение 7-8 лет!) умственно и физически ущербный человек!

Тем не менее, остается его историческая заслуга – он держал инерцию международной разрядки, пока она не оборвалась Афганистаном, за который по причине болезни с него спрос минимальный.

Параллельно с брежневской линией присутствовала, часто близко соприкасаясь, международная деятельность КПСС, олицетворяемая Пономаревым и Сусловым.

В этом томе она обильно представлена суматошными усилиями по организации конференции европейских компартий, к чему автор записок был непосредственно причастен,

и мучился бессмысленностью того, что ему приходилось делать вопреки своим убеждениям и здравому смыслу.

Работа эта, как он и предсказывал (и предупреждал начальство) закончилась провалом.

По многим причинам:

Во-первых, она шла в разрез с линией и намерениями Генсека.

Во-вторых, в отличие от этой линии, она не отвечала новым реальностям, в том числе потребностям коммунистических партий, которые, наконец, поняли жизненную для них необходимость вписаться в национальную специфику своих стран.

В-третьих, целью усилий ортодоксов из ЦК КПСС была реанимация единства комдвижения. А оно, это единство, не могло не быть «по природе вещей» (т.е. согласно традиции и историческому предназначению МКД) **идеологическим.** Для партий же это означало сохранение подчиненности КПСС. Но к середине 70-ых годов для тех из них, кто хоть что-то политически значил, такое уже исключалось. Не в последнюю очередь потому, что СССР перестал быть в их глазах символом и образцом того социализма, к которому они стремились. Именно в этом году обнажилось публично недвусмысленное отторжение, пожалуй, большинства европейских коммунистов от политики и практики КПСС, нежелание следовать ее опыту и слушать поучения на этот счет.

В-четвертых. В результате сказанного - и к тому же находясь в жалком состоянии (большинство) по своим внутренним причинам – «братские партии» не могли и не хотели больше служить безоговорочным рупором апологетики советского общества и политики Москвы. А раз так, советское руководство, в лице прежде всего самого Брежнева, потеряло к ним интерес. Они стали не нужны в контексте real politik. Их несогласия, часто враждебные заявления и действия, вызывали обиды в Москве, вспышки гнева, их пытались уговаривать, мириться с ними, несмотря ни на что. Но делалось это без всякого убеждения, что можно что-то вернуть вспять, «навести порядок в МКД». Выглядело, как автоматически действующая функция должностных лиц и институтов, вроде международных отделов ЦК, как выполнение поручения, полученного в давно прошедшие времена.

По всем этим причинам 1975 годом можно датировать начало конца коммунистического движения как европейской, да и международно значимой величины. Ему уже не было влиятельного места в мировом раскладе политических сил.

Том получился относительно большой, в нем много и всякого другого, помимо названных выше проблем, - любопытных, отражающих образ жизни в СССР эпизодов, странных событий, наблюдений автора, его знакомых, коллег.